

**ВЛАДИМИР
СВЕРЖИН**

ФЕХТМЕЙСТЕР

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Институт экспериментальной истории

Владимир Свержин
Фехтмейстер

«Владимир Свержин»

2008

Свержин В.

Фехтмейстер / В. Свержин — «Владимир Свержин»,
2008 — (Институт экспериментальной истории)

Петроград, январь 1915 года. Приключения сотрудников Института Экспериментальной Истории продолжаются. На сцену выходит сотрудник отдела Мягких Влияний – Мишель Дюнуар, в этом мире ротмистр Михаил Чарновский, подозрительно схожий внешне с российским верховным главнокомандующим, великим князем Николаем Николаевичем. Опытный контрразведчик Лунев считает его душой заговора против государя-императора... Возлюбленная Чарновского, таинственная дама Лаис Эстер, уверена, что он облечен загадочной высшей миссией... А уж что думают по его поводу Григорий Распутин, агенты японской разведки, прадед Лунева и хладнокровный убийца из города-храма Карнаве, затерянного в горах Абиссинии, – вообще вслух лучше не произносить. Но разве это может помешать Мишелю Дюнуару выполнить задание?

© Свержин В., 2008

© Владимир Свержин, 2008

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	39
Глава 6	47
Глава 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Владимир Сержин

Фехтмейстер

*Тупость владык, делающих историю, зачастую исправляется
остротой перьев тех, кто ее пишет.*
Джордж Баренс

Пролог

Люди готовы верить всему, что услышат по секрету.
Малькольм де Шазаль

Джордж Баренс покосился на темное окно дисплея. Он недолюбливал компьютеры, подсознательно чувствуя в них конкурента, способного оценивать возможности и считать варианты столь же быстро, как он сам. Утешало лишь одно: техника не понимала, что и для чего она делает. Но ведь в скором будущем могла понять! И потому беззвездная ночь за стеклом монитора радовала корифея отдела разработки Института Экспериментальной Истории, как соловьиное полнолуние какого-нибудь влюбленного юнца.

Никогда в жизни он, в прошлом кадровый разведчик, не мог подумать, что на склоне лет займется писательством. Но неведомо как просочившиеся в печать записки Уолтера Камдейла встревожили руководство и подвигли на создание своеобразной «литературной завесы» вокруг деятельности института. Баренс тогда не смог отказать отцам-основателям в просьбе применить свои таланты, дабы придать рассказам об институте вид чистейшей беллетристики, и неожиданно для самого себя принялся за писание книг. Успех первого произведения, которое он назвал «Время наступает», привел ареопаг мудрейших к убеждению, что Баренсу следует продолжать свои литературные опыты. И теперь...

Окинув еще раз придирчивым взором свой кабинет, выдержанный в несколько чопорном викторианском стиле, он удовлетворенно кивнул, поправил отточенные перья в бронзовом чернильном приборе и достал из ящика стола серую картонную папку, взятую утром в архиве.

С первого листа на Джорджа Баренса глядел молодцеватый ротмистр лейб-гвардии конного полка Российской армии. На снимке офицер картинно опирался на обнаженный палаш; рядом, венчая гипсовую колонну, красовалась его каска с изготавившимся к полету золоченым имперским орлом. Баренс придвинул стопку белых листов, провел рукой по верхнему, то ли для того, чтобы почувствовать фактуру и дыхание бумаги, то ли просто разглаживая и без того ровный лист, а затем одним росчерком вывел лаконичную надпись: «Фехтмейстер».

Ровные строки отчета стационарного агента красовались перед ним, скрывая за показной четкостью букв и картинным равнением красных строк накал страстей, еще недавно сотрясавших один из ближних миров. Очень ближних. Находящихся в опасной близости.

Как писал великий российский поэт:

У истории нет указателей «Осторожно! Крутой поворот!»

Джордж Баренс поймал себя на мысли, что эту фразу частенько произносил остролов Лис во время традиционных кулуарных дебатов. Но слава Богу, или, быть может, слава человеческому разуму, теперь существовали те, кому иногда удавалось проложить, или вернее, подравнять дороги истории.

Еще чуть помедлив, Баренс вывел витиеватые строки эпиграфа: «Тупость владык, делающих историю, зачастую исправляется остротой перьев тех, кто ее пишет».

Глава 1

Если вам никто не угрожает, значит, вы никому не опасны.
Эжен-Франсуа Видок

Январь 1915 года все никак не мог решиться на что-то определенное. Морозы сменялись оттепелями, метель вдруг как по команде переходила в дождь, а затем в колючую злую морось со снегом и порывистым ветром, заставлявшим поднимать воротники и кутаться в шубы. Конечно, тех, кто мог себе позволить носить шубы.

Подполковник Лунев взял от станции извозчика-троечника, в отсутствие гуляющей публики коротавшего время в ожидании приезжих господ, желающих пронестись по улицам Царского Села по-русски, с ветерком. Краснощекий парень в черной шитой золотом поярковой шапке, украшенной павлиньими перьями, в армяке с тиснением по борту, – записной лихач из тех, кого в родном Киеве именовали «ачкасами», щелкнув в воздухе кнутом, во весь опор погнал ухоженных серых рысаков по размякшему снегу.

Неведомо отчего имя татарских князей Ачкасовых пристало к разухабистым извозчикам, видать, быструю езду некогда грозные повелители ногайских степей любили еще более, чем воспетый Гоголем русский. Это словцо, вдруг пришедшее из недр памяти, из полузабытого отрочества и юности, отчего-то вызвало у подполковника светлую, под стать общему настроению, улыбку, изгоняя робость перед грядущей встречей.

Притаившиеся у обочины гимназисты в кургузых шинельках с радостным воплем «ура!» принялись забрасывать мчащийся экипаж заранее изготовленными снежками. Кто знает, с кем сражались они в своих мечтах, возбужденных цветными военными литографиями из журнала «Нива», но только ни хлопанье витого бича, ни суровый окрик возницы: «Ужо я вас!..» – не могли остановить их буйного веселья.

В январском воздухе неистребимый ничем висел смолистый запах недавнего Рождества с его веселыми шалостями, играми и ожиданием счастья. Святки подходили к концу. И стар, и млад валили на улицу, торопясь надышаться свежим воздухом в преддверии крещенских морозов. В этом году едва ли не всем грядущее счастье представлялось скорым и убедительным разгромом коварного врага, посмеявшегося нагло покуситься на землю братьев-славян, на землю родного Отечества. Как бравурно предвещали газеты, долгожданная победа уже совсем близка!

Платон Аристархович Лунев не верил самозванным оракулам, предсказывающим скорый разгром полчищ супостата, впрочем, и каким-либо иным прорицателям тоже не верил. Но сегодня он был вынужден согласиться с чернильной оравой торжествующих борзописцев. Вслед за детским «ура!» над Царским Селом отдаленным эхом ему слышалось другое – многотысячное слитное, сметающее врага с пути русских штыков...

Всего несколько дней тому назад самое кровопролитное за всю историю русско-турецких войн сражение под Сарыкамышем было завершено блистательной победой российского оружия. Для него, начальника контрразведки 2-го Туркестанского корпуса, во многом это была личная победа. И деяние сие, судя по нынешнему вызову государя, не ускользнуло от неусыпного отеческого взора Его Императорского Величества.

Чуть прикрыв глаза, подполковник Лунев глядел в серое небо и точно воочию ясно видел перед собой иное: лазурный небосвод Кавказа, исчерченный белыми зубцами горных вершин, и дым разрывов, змеями извивающийся между скал...

«Тпру-у-у!» – извозчик натянул вожжи. У ажурных чугунных ворот дворцовой ограды, близ неслучайной полосатой будки, перетаптывались с ноги на ногу часовые в шинелях лейб-гвардии Преображенского полка. Вызванный к воротам дежурный караульный начальник при-

дирчиво оглядел царский рескрипт, удостоверился в его подлинности и, козырнув, велел степенному унтер-офицеру сопроводить его высокоблагородие во дворец.

Подполковник Лунев чуть заметно поежился, придерживая отброшенную ветром шинели, искренне надеясь, что это движение не заметно со стороны. Впервые ему предстояло увидеть государя столь близко. Платону Аристарховичу вдруг вспомнилось, как в далеком детстве у родительской елки, увешанной сладостями и ватными ангелами, он, затаив дыхание, загадал побывать на рождественских празднествах у самого государя. Кто бы мог подумать, что его детской мечте суждено было сбыться в такой тяжелый для Отечества час?

Огромный тронный зал, облитый золотом, словно торт глазурью, производил впечатление тем более сказочное, что посредине его сейчас была установлена высоченная разнаряженная ель. Правда, совсем недавно Святейший Синод осудил нелепый обычай ставить в доме и украшать на Рождество хвойное дерево, как языческий, немецкий и расейскому народу чуждый. Но, сказывали, Божий человек Григорий Распутин, прослышав о том, пожал только плечами и сказал: «Несуразицу удумали!» Этого было достаточно. К вящей радости великих княжон и наследника цесаревича, ель стояла, переливаясь цветными огоньками свеч, отраженных в расписных стеклянных шарах.

Ничего в этом сказочном зале не напоминало бы о войне, когда б не группа старших офицеров, смиренно дожидавшихся выхода императора. Одного из них Лунев знал по Академии Генерального штаба, еще с одним доводилось встречаться лет десять назад, в русско-японскую войну. Едва негромкий их разговор после обычного приветствия начал обретать легкость и почти душевность, суровый оклик дежурного флигель-адъютанта призвал господ офицеров приветствовать государя. Вытянувшись, как и все прочие, во фрунт, Лунев гаркнул слова приветствия и широко открытыми глазами уставился на вошедшего в огромную залу Николая II.

Если бы вдруг в этот миг здесь оказался чужеземец, прежде никогда не бывавший в России, он вряд ли бы уразумел с чего весь этот шум. Государь всея Руси был облачен в полковничий мундир старейшего полка российской гвардии, того, что ныне стоял в карауле у царской резиденции. Его грудь скромно украшал единственный орден, небольшой белый крестик святого Георгия, что еще более роднило его облик с прочими старшими офицерами.

Подполковник Лунев вдруг осознал, что невольно чувствует легкое разочарование, хотя, в сущности, и сам толком не может ответить, чего, собственно, ждал от императорского выхода.

В шеренге офицеров, выстроившихся перед государем, он стоял третьим, бок о бок с рослым конногвардейцем с длинным, нервным лицом. Лунев прежде уже читал о нем в газетах. Его атака на германские позиции у Каушена увенчалась захватом вражеской батареи, изрядно досаждавшей нашей гвардейской кавалерии. Теперь он гордо выпячивал широкую грудь с таким же, как и у самого Николая II, вожденным для всякого офицера знаком воинской доблести. Первым в этой войне. Подходя по очереди к каждому из гостей, августейший преображенец крепко пожимал счастливцу руку, благодарил за доблестную службу и вручал новенькие золотые полковничьи эполеты с вензелем, а вместе с ними и флигель-адъютантские аксельбанты.

О чем-то подобном начальник контрразведки 2-го Туркестанского корпуса догадывался еще неделю назад, когда, передавая ему запечатанный конверт, новый командующий Кавказской армией, словно оговорившись, назвал его полковником. И все же теперь сердце его стучало, будто сегодня он получал первые в своей жизни погоны.

– А вы, Платон Аристархович, стало быть, нынче только с Кавказа? – после дежурного поздравления то ли спрашивая, то ли утверждая, поинтересовался государь, останавливаясь перед ним.

– Так точно, Ваше Императорское Величество! – молодецково, как много лет назад в юнкерском строю, отрапортовал Лунев.

– Ну, полноте, полноте кричать, – чуть поморщился Николай II. – Не на плацу ведь. Доблестный генерал Юденич, – без перехода негромко продолжил он, – пишет о вас более чем лестно. Будто бы едва ли не половина заслуги в изгнании башибузуков Энвер-паши из российских пределов принадлежит именно вам.

– Это сильное преувеличение, ваше величество, – запинаясь от волнения, проговорил новопроизведенный полковник.

– Ну, милейший Платон Аристархович, что уж вам-то тушеваться, – с благожелательной улыбкой покачал головой император, – пред врагами Отечества нашего не оробели, а уж здесь и подавно не след! Впрочем, понимаю вашу скромность. Похвальбой врага не быют! Приглашаю вас, господин полковник, нынче отобедать у меня. Тогда подробнейшим образом мне все и расскажете. Об армии своей, о ее героях я должен знать все достоверно, из первых уст.

Лунев кожей поймал на себе чьи-то завистливые взгляды, обжигающие, точно пролетевшие рядом пули.

– Почту за честь, ваше величество.

После трапезы, простой и обильной, Николай II пригласил заметно осмелевшего полковника Лунева к себе в кабинет и, велев званому гостю запросто усаживаться напротив у застеленного картой бильярдного стола, принялся слушать его рассказ. О геройской обороне Сарыкамыша, о стойкости генерала Юденича, о весьма ловкой операции контрразведки, заставившей Энвер-пашу рассредоточить силы перед самым наступлением... Государь кивал в такт словам, казалось, думая при этом о чем-то совсем ином.

– И что же, этот самый Энвер-паша, мнящий себя Наполеоном Востока, и впрямь желает объединить под своей рукой все земли Османов, Кавказ да к тому же еще Туркестан? – удостоившая повествователя вопросом, вновь заговорил самодержец.

– А также многие другие земли, ваше величество, – не замедлил с ответом Лунев. – Что и говорить, в этих краях и впрямь беспокойно, и если срочно не предпринять решительные меры, более чем возможен серьезный мятеж диких туземцев в наших восточных губерниях. Однако сейчас именно это настроение дало нам возможность играть на непомерных амбициях турецкого полководца и ввести его в заблуждение относительно...

– Да-да, – кивнул Николай II, обрывая рассказ контрразведчика о ловком шпиле, стоившем туркам желанной победы. – Все, что вы говорите, весьма занятно, но, ежели начистоту, я хотел поговорить с вами о другом.

Полковник Лунев сделал каменное лицо, чтобы скрыть досаду. Операция против Энвер-паши была предметом его личной гордости. Но воля государя есть воля государя.

– Прошу вас понять, господин полковник, понять и накрепко запомнить: дело, о котором я теперь стану с вами говорить, щекотливое и в высшей мере конфиденциальное. О сути его не должен знать никто, исключая вас и меня. Вы мне были рекомендованы как человек опытейший в своем деле, да и сам я помню заслуги ваши в активном противодействии японским шпионам в годы прошлой войны и не столь давней смуты. Потому я целиком полагаюсь на вашу скромность, преданность и честность, и никак не менее на мастерство в своем ремесле, многократно до сего дня выдаваемое.

Лунев молча смотрел на государя, понимая, что всякие его слова в этот момент излишни. Он весь обратился в слух, стараясь не упустить ни единого слова, быть может, уже таящего ответ на еще не произнесенный вопрос. Между тем император продолжал:

– Нам стало известно, увы, почти случайно, что в стране вновь пробиваются ядовитые всходы заговора. И это в дни, когда Россия изнемогает, сражаясь против жестокого врага! Более того, на сей раз, к величайшему сожалению, речь идет не о пролетариях и землепашцах, смущаемых пустыми речами всякого рода фанфаронов, социалистов и либеральных глупцов. Теперь скверна зародилась где-то здесь, в непосредственной близости от трона. По сути, ныне я не могу верить никому, исключая, понятное дело, семью и нескольких самых верных, преданных

мне людей. Но и в этом случае нельзя быть до конца спокойным. Ибо, как сообщает наш источник, к заговору могут быть причастны даже кое-кто из великих князей.

Такое положение дел воистину нетерпимо! – Николай II встал, прошелся по кабинету и остановился у небольшого столика, сервированного на двоих. – К чему, я вас спрашиваю, победы над германцами, австрияками и турками, когда враг уже здесь? – Возбужденный собственной речью император для убедительности хлопнул ладонью по темной палисандровой столешнице, заставив жалобно звякнуть серебряное блюдо с фруктами. – Как вы сами понимаете, мы должны немедленно пресечь злоумышления наших врагов. Сугубая решительность и бескомпромиссность! Здесь у меня вся надежда на вас.

– Слушаюсь, ваше величество! – резко поднимаясь с обитого светлым атласом кресла, отчеканил Лунев, сиюсь унять внезапное сердцебиение. – Сделаю все, что в человеческих силах!

– Итак, Платон Аристархович, – вновь делая знак садиться, заговорил император. – Мне не хотелось бы огорчать достойнейшего командующего моей Кавказской армией генерала Юденича, который просит вас к себе начальником контрразведки, но, увы, придется. Нынче же вы будете зачислены офицером для особых поручений в мою походную канцелярию. Я даю вам полную свободу действий. Начальник моей личной охраны полковник Спиридович еще утром получил распоряжение оказывать вам, господин полковник, все необходимое содействие. Такие же рескрипты нынче получают полиция и жандармерия. Расходы по этому делу я беру целиком на себя, дабы не обременять казну и не вдаваться в лишние дебаты. Мне нужен результат. Чем скорее, тем лучше. Особо же полагаюсь на ваше умение хранить тайны.

– Я могу ознакомиться с документами, на основании которых строятся такие... – полковник Лунев замешкался, подыскивая слова, – тяжелые подозрения? Если, конечно, подобные документы вообще имеются.

– Имеются, – кивнул Николай, досадливо кривя губы. – И вы с ними непременно ознакомитесь.

* * *

Всю обратную дорогу полковник Лунев размышлял об услышанном и увиденном. Начавший падать снег быстро превратился в густую метель, и поезд тащился медленно, словно впереди шел кто-то с лопатой, расчищая заметенные рельсы. Заглянувший было проводник негромко предложил чай, но, увидев, что полковник в новеньких золотых эполетах и при флигель-адъютантских аксельбантах погружен в собственные мысли, поспешил ретироваться, дабы не тревожить его высокоблагородие.

Царскосельская железная дорога, связывавшая Санкт-Петербург, или как его теперь величали – Петроград, с любимой резиденцией государя и его семьи, постоянно видела в своих вагонах весьма значительных персон и потому вполне оправданно могла гордиться предупредительностью и сообразительностью служащих.

Сейчас вагон был едва ли не наполовину пуст. Дачи и загородные дома в эту пору обезлюдели, лишь те, кого служба удерживала вдали от столицы, спешили добраться до ночи к родным очагам.

Платон Аристархович глядел на разгул стихии за вагонными стеклами, пытаясь ответить на самый банальный вопрос: «Почему я?» Почему именно ему, военному контрразведчику, а не хранителям державного покоя – жандармам, или на худой конец дворцовой полиции, нынче поручено разбираться с этим заговором? Да, за ним числилось несколько дел весьма щекотливого свойства, неизменно завершавшихся победой. Он не был новичком в тайной войне сильных мира сего... И все же, почему он?

Впрочем, к чему мудрить, отрешение законного государя от власти, какими бы благими намерениями оно ни прикрывалось, есть несомненное государственное преступление. Теперь же, в часы войны, это еще и преступление военное. А стало быть, кому, как не военной контрразведке, им заниматься? Логично? Вполне! Значит, сомнения прочь, господин полковник, и марш-марш!

Первым делом надлежит сформировать группу из людей надежных, проверенных и знающих дело наилучшим образом. Знать бы только, где ж таких нынче сыскать? Старые испытанные соратники как один в действующей армии: кто вот так, как он, в контрразведывательных отделениях, а кто и попросту строевыми офицерами.

Великая беда для России – отсутствие правильных разведывательных и контрразведывательных служб. Все случайно, все кавалерийским наскоком. Сегодня ты состоишь при Особом Делопроизводстве главного управления Генерального штаба и решаешь, быть может, участь державы, а завтра – начальственный ветер переменился, и ступай полком командовать!

Лунев неспешно перебирал в памяти имена тех, кто мог бы сослужить добрую службу в этом непростом деле... Нет, никого.

Хотя, Впрочем, почему же нет? Платон Аристархович невольно улыбнулся. Пред внутренним его взором возникла тучная фигура забавного человечка, напоминавшего небольшой монгольфьер в золотом пенсне. Сходство увеличивалось еще и тем, что коротышка пыхтел при ходьбе, точно горелка под воздушным шаром. Звался сей яркий образчик человеческой породы Христиан Густавович Снурре. Коллежский асессор и кавалер. При всей своей внешней непрезентабельности этот потомок шведского вахмистра, взятого в плен еще при Шлиссельбургской баталии, был самым въедливым, самым тщательным архивистом в департаменте полиции. А архивы, как гласила популярная в коридорах Особого Делопроизводства пословица, – есть верная смерть шпиона.

Здесь, кажется, предстояло иметь дело с врагом внутренним. Но – кто знает, кто знает! Наверняка Снурре должен быть в Петрограде. Невероятно, чтоб Христиана Густавовича отправили на фронт, а уж добровольцем представить его – и подавно сверх всяких фантазий!

Стройный ход мыслей Лунева был прерван самым неожиданным и бесцеремонным образом.

– Ах ты, шпионка! – донеслось из коридора. – Ах, гадючье семя!

– Помилосердствуйте, господин штабс-капитан! Да что ж вы такое делаете-с?! – Второй голос, не такой яростный, скорее испуганный, принадлежал давешнему служителю Царско-сельской железной дороги.

– Изыди, каналья! – продолжал бушевать неведомый крикун. – Ты что же, с ней заодно?! Родину продаешь, скотина?! На Иудины сребреники позарился?

За дверью послышался вскрик и звук падающего тела.

– Ну вот ты и попалась, паскуда! – разъяренный голос доносился совсем рядом. Лунев готов был поспорить, что неизвестный ему офицер изрядно нетрезв. Он тяжело вздохнул, поднимаясь с обитого темным плюшем дивана, и шагнул к двери.

Картина, представшая его взору, действительно не радовала. У самой двери его временного обиталища жалась к стене невысокая молодая женщина в длинном собольем палантине, из-под которого выглядывал стоячий воротник зеленого с бледно-золотым узором платья. Огромные темные глаза ее смотрели испуганно, и, судя по дрожанию пухлых, хорошо очерченных губ, она готова была разрыдаться, когда б не так боялась своего обидчика.

Несчастный проводник сидел на полу, подвывая и держась за челюсть. Бузотер, подгулявший верзила в новенькой пехотной форме, устремился было к жертве, расстегивая висевшую на поясе кобуру, но вдруг уперся в коренастую, ладно сбитую фигуру Лунева.

– Извольте занять свое место, господин штабс-капитан! – упирая в пьяного офицера жесткий взгляд, процедил тот. – Немедленно!

Глаза дебошира остановились на мундире Лунева. Он качнулся назад, запоздало прикрывая белый крест с черным якорем на груди – знак 199-го пехотного Кронштадтского полка.

– Так ведь шпионка же ж, – куда как менее свирепо пробормотал кронштадтец. – Австриячка!

– Извольте повиноваться! – уже не скрывая раздражения, жестко прикрикнул Лунев. – Австриячка она или же сам кайзер Вильгельм, самосуд чинить вам не подобает!

Зло ворча под нос, самозванный охотник за шпионками уныло ретировался в свое купе.

– Ваше высокоблагородие, – взмолился железнодорожник, поднимаясь с пола, – дозвольте, барышня в вашем купе поедет, а то ведь сами видите, неровен час...

– Да, конечно, – согласно кивнул Лунев, – отчего ж нет? Проходите, сударыня, милости прошу.

Поезд стучал колесами на стыках, будто слепой, прощупывающий дорогу. Проворчав: «Экая мразь!», – Лунев закрыл дверь, собираясь вновь погрузиться в размышления. Его гостья удобно устроилась напротив на диванчике и, открыв ридикюль, достала зеркальце в серебряной ажурной рамке. Стоило ей войти в купе, по нему сразу разлился аромат ландыша, весьма модный в этом сезоне. От всего ее облика веяло наступающей весной, ожиданием солнца и радости. Платону Аристарховичу захотелось, как в годы службы в гусарах, пройтись гоголем перед хорошенькой девицей, рассказать, как нынче пивал чай с государем, и тот хвалил его и жал руку. Отогнав от себя мальчишеские мысли, контрразведчик нахмурился и отвернулся к оконному стеклу, стараясь не глядеть на спутницу. Однако та вовсе не была расположена ехать в молчании.

– Позвольте полюбопытствовать, как зовут моего спасителя? – произнесла она на русском, довольно чисто, но с заметным акцентом.

«Выговор действительно напоминает австрийский, – про себя отметил контрразведчик. – Понятное дело, отчего штабс-капитан так взъерился». Однако более чужестранного акцента его удивила мысль, вовсе не касавшаяся произношения его новой спутницы. – Замечательно глубокое контральто, – неожиданно для себя подумал он. – Таким, без сомнения, восхитительно петь романсы».

– Полковник Лунев. Платон Аристархович, – поднявшись, представился он. – Флигель-адъютант его императорского величества.

По въевшейся привычке, вскользь глядя на сидящую перед ним молодую женщину, контрразведчик принялся тщательнейшим образом фиксировать для себя ее черты, стараясь попутно угадать род занятий. «Несомненно, хороша собой, причем хороша красотой для здешних северных широт непривычной. Иссиня-черные волосы, живые темные глаза-маслины, вопросительно глядящие из-под длинных ресниц. Так бывают прелестны совсем юные цыганки или же испанки. Но ей-то, пожалуй, лет 25. Тонкие черты лица, смуглый цвет кожи – все это никак не вязалось с образом жительницы Северной Пальмиры и оттого притягивало к себе взгляд, подобно живому магниту. Одета богато: соболя, платье, несомненно, последнего фасона. Одна цветочная эссенция, продающаяся в хрустальном пузырьке, в 10 рублей станет – немалые деньги!».

– Лаис, – представилась незнакомка, протягивая для поцелуя тонкую руку. – Лаис Эстер.

– Вы не россиянка?

– Увы, нет, – покачала головой молодая женщина. – Если вы пообещаете, что не станете кидаться с кулаками, то признаюсь честно, что я и впрямь имею австрийский паспорт. Но это не тайна! Я здесь живу уже десять лет и, поверьте, совсем не моя вина в том, что ваш государь воюет с моим.

– Сочувствую, – любезно улыбнулся Лунев, продолжая исподволь разглядывать спутницу. Той, очевидно, было не привыкать ко вниманию мужчин, и потому, снова почувствовав себя в безопасности, она только улыбнулась в ответ. – Однако, насколько мне известно, под-

данных императора Франца-Иосифа велено задерживать, дабы затем обменивать на российских граждан, которых война застала на территории Австро-Венгрии.

– Это так, – вздохнула Лаис, – но мне предначертано жить здесь у границы вечных снегов! Таков мой путь. Он записан в Книгу Судеб, и не мне противиться воле создателя воли.

«О Господи! Мистика, – отворачиваясь, скривился Платон Аристархович. – Салонные штучки. Что ж за дурное поветрие!» Как серьезный практик, он не признавал манеры объяснять непонятное еще более непонятным, городить вокруг досужих выдумок турысы на колесах и приписывать схватке богов и потусторонним силам всякий заурядный прыщ. Но, впрочем, экзальтированность натуры вполне соответствовала внешнему облику новой знакомой.

– Конечно, конечно, – чуть заметно усмехнулся Лунев. – Но все же полагаю, в глазах генерала Джунковского¹ запись в Книге Судеб – недостаточное основание для нарушения высочайших предписаний.

– Ну вот, и вы туда же, – надула губки прелестница. – Послушать вас, так каждый иностранец – непременно шпион!

– Я такого не утверждал, – покачал головой Лунев.

«А впрямь, что, если она шпионка? И вся эта сцена с криками и пьяным рукосуйством устроена специально для того, чтобы установить контакт со мной? С государем мы, конечно, разговаривали тет-а-тет, но если заговор действительно существует и столь разветвлен, как подозревается, наверняка изменники позаботились о том, чтобы окружить императора своими осведомителями. Офицер контрразведки, произведенный во флигель-адъютанты и оставленный при особе императора для неясных „особых поручений“, наверняка должен был привлечь внимание заговорщиков. В таком случае это, как говорится, „сладкая ловушка“. Но если это и впрямь так, то ниточка от госпожи Лаис тянется к неведомым пока мятежникам, а значит, не след прекращать столь ценное знакомство».

– Ну что вы, сударыня, у меня и в мыслях не было представлять вас шпионкой! – Лунев вслушался в звучание собственного голоса. Выходило довольно складно. – Однако же мне хорошо известен девиз шефа корпуса жандармов: «Законность».

– У меня есть весьма влиятельные друзья, – кокетливо улыбнулась Лаис.

«В этом, пожалуй, можно даже не сомневаться. Но для подсадной утки она слишком откровенна, да и австрийское подданство само по себе настораживает. Вряд ли кому-то могла прийти в голову идея использовать для наживки уроженку вражеской державы. Или могло? Контрразведчик наверняка должен заинтересоваться иностранкой, как ни в чем не бывало едущей почти из царской резиденции. А вот, скажем, этот кронштадтец... Помнится, 199-й пехотный полк рядом с Царским Селом не стоит. Там расквартированы гусары, желтые кирасиры и стрелки императорской фамилии...»

– Что же вы меня ни о чем не расспрашиваете? – с ноткой легкой обиды в голосе произнесла дама. – Это даже как-то невежливо. Или я вам совсем не нравлюсь?

– Ну что вы? – поспешил заверить ее Лунев. – Я лишь пытаюсь быть скромным.

– Скромность для человека в аксельбантах – добродетель неслыханная, – улыбнулась девушка. – Хорошо, я избавлю вас от необходимости расспросов. Я знаю, вас удивляет мой внешний облик. Вы находите его необычайным для здешних широт. – Лунев чуть удивленно поднял брови. Сказанное только что спутницей в точности повторяло его недавние мысли. – Вы напрасно удивляетесь. Мне открыт свет прозрения, недоступный обычному восприятию. Я прочла ваши мысли!

«Или слышала слова о своей красоте столь часто, что уже не сомневается в том, что все мужчины думают о ней одно и то же», – мелькнуло в голове Платона Аристарховича.

¹ Генерал В. Ф. Джунковский – командир Отдельного корпуса жандармов.

– Конечно же, слышала. Но согласитесь, ехать молча скучно, а после того, что сейчас произошло, мне просто необходимо выговориться. А вы производите впечатление человека надежного и положительного. Я бы попросила вас рассказать о себе, но до смерти боюсь всех этих пушек, штыков и прочего смертоубийства. Поймите меня верно, я уважаю вашу службу, но... уж лучше я расскажу свою историю, она и впрямь напоминает роман.

– Ну что ж, – пытаюсь найти разумное объяснение ее намерению, согласился Платон Аристархович, – сделайте любезность.

– Итак, происхождение мое довольно необычно, а потому требует отдельной повести. Отец мой – известный путешественник и охотник на крупного зверя – князь Лайош Эстерхази. Во время странствий по Востоку он попал в священный город Карнаве, спрятанный от чужих глаз на горном плато Абиссинии. Как вы, несомненно, знаете, в стране этой правят потомки мудрейшего царя Соломона, и самым главным их сокровищем почитается Ковчег Завета. Местонахождение его скрыто от непосвященных. Охранять эту реликвию поручено роду Эстер – спасительницы богоизбранного народа в годы вавилонского плена. Потомки ее обитают в Карнаве среди труднодоступных гор. Прежде скалистые отроги считались неприступными, пока туда не смог добраться мой отец.

По закону нотеров, стражей святыни, его должны были умертвить, и непременно так бы и поступили, когда б не фамилия. Ведь в ее звучании очень легко можно услышать «Эстер Хазе» – «Дом Эстер». Наши старейшины решили, что, вероятно, сей княжеский род являет собой одну из ветвей рода Эстер. А стало быть, венгерский князь Лайош Эстерхази имел непререкаемое право оставаться в Карнаве до конца своих дней.

Выбирая между смертью и вечным поселением в тайном городе, отец выбрал жизнь. Там он и познакомился с моей матерью, служительницей храма Эстер. И вскоре появилась я. Как и мать, я с детства была посвящена в мистерии храма, но все же отец, который в те годы уже достиг в Карнаве высокого положения, часто встречался со мной, учил языкам и рассказывал о дальних странах, о своих путешествиях.

Мне очень хотелось повидать мир, но, как и моей матери, и ее матери, и тысячу с лишним лет всем женщинам нашего рода, мне предначертано было служить хранительницей священных тайн.

Когда мне исполнилось шестнадцать, мы с отцом решили бежать. Это было не просто, но он знал тропу, по которой некогда добрался до Карнаве. На единственной Царской дороге, связывавшей плато со столицей, беглецов поджидали стражи Ковчега, готовые убить всякого, рискнувшего огласить тайну его местонахождения. На тропе же нам угрожали только обрывистые склоны и дикие звери.

Нам удалось быстро добраться до Каира. Там мы надеялись продать кое-какие прихваченные золотые вещи, чтобы, купив билеты на пароход, добраться до Европы. Однако в ночь, когда мы должны были отправляться, произошло ужасное. Перед рассветом я услышала шум и возню в комнате отца. Я вбежала туда, но все было кончено. Лайош Эстерхази был убит несколькими ударами кинжала. Не буду скрывать, я очень испугалась. Я схватила билеты, деньги и свой единственный документ, выправленный в имперском посольстве – австрийский паспорт, в котором я значилась как Лаис Эстерхази, дочь князя Лайоша, и бросилась наутек, спеша унести ноги.

Попутчица смахнула непрошеную слезу в уголке глаза и невольно всхлипнула, должно быть, вновь переживая давние события.

Платон Аристархович, вздохнув, достал из кармана шинели небольшую серебряную фляжку с коньяком, которую вопреки царскому указу всегда носил при себе, и налил немного опаляющей жидкости в крышечку.

– Это «Корвуазье». Выпейте, полегчает.

Как всякий уважающий себя контрразведчик, Лунев привык всегда подвергать сомнению услышанное. Но с другой стороны, и крупницы правды он ловил, как говорят охотники, верхним чутьем. В 1904 году, когда он по делам службы находился в Париже, не было газеты, которая бы не трубила о чудесном возвращении, а затем об ужасной гибели князя Эстерхази. Многие считали причастной к убийству невесть куда пропавшую дочь покойного, но следов ее тогда не сыскалось.

– Благодарю вас, – переводя дыхание после коньяка, проговорила женщина. – Почти чудом мне удалось добраться до Венгрии. Отец рассказывал, что в его отсутствие всем имуществом распоряжается младший брат Иштван, но, как оказалось, он скончался за год до того, и все досталось моему единокровному брату Миклошу. Я нашла его в Айзенштадте в замке наших предков. Не скажу, чтобы он был рад встрече. Он, как и многие, полагал, что именно я виновна в гибели отца.

– Как же вам удалось переубедить его?

– Мне не удалось, – печально вздохнула Лаис. – Но я предрекла Миклошу скорое изменение его судьбы, и поскольку оно и впрямь оказалось очень скорым, брат решил поверить мне на слово.

– Что же это было за пророчество? – спросил, точно невзначай, Лунев, невольно чувствуя, что разговор интересует его все больше и больше.

– Я обещала ему неожиданное повышение по службе и удачную женитьбу. Капитана Миклоша Эстерхази назначили адъютантом императора. Там на приеме в честь дня рождения Франца-Иосифа он познакомился с герцогиней Саксен-Кобург-Готской и вскоре стал ее мужем. Он и без того был весьма богат, женитьба же сделала его богатым несметно. На радостях он предложил мне хорошее ежемесячное содержание, если я уеду из империи куда-нибудь подальше.

– Боялся очернить свое имя?

– Конечно, – вздохнула рассказчица. – Ведь меня разыскивали по всей Европе. А доказать свою непричастность к этому ужасному убийству я не могла. Полагаю, что в нем замешаны нотеры – стражи, опасавшиеся, что отец укажет посторонним дорогу в священный город.

– Но в таком случае эти изуверы, должно быть, угрожают и вам?

– Возможно, увы, и такое, – печально согласилась Лаис, – потому-то я и решилась скрыться у самого края земного круга. Но как знать, быть может, враг притаился совсем рядом? Быть может, там? – Она сделала широкий жест. Лунев повернул голову в сторону окна, за которым темнели эллинги Воздухоплавательного Поля. В прежние дни петербургцы радостно следили здесь за полетами воздушных шаров и даже настоящего дирижабля, казавшегося чудом инженерной мысли. При этом воспоминании в уме Лунева вновь всплыла неказистая фигура коллежского асессора Снурре. «И все же надо проверить, что об этой девице имеется в архиве департамента полиции».

– Я вижу, господин полковник, вас мучает вопрос. Задайте его, я вовсе не обижусь.

– О чем, собственно, речь? – с удивлением, смешанным с опаской, проговорил Лунев.

– Вы же хотите знать, для чего я рассказываю вам все это?

– Ну, положим.

– Как только я увидела вас, я поняла, что нити наших судеб крепко переплетены.

– Даже так, вы можете видеть нити судеб?

– Не всегда, довольно редко, но порой могу. И в этот раз мне представляется, что от того, как повернется ваша судьба, а вместе с ней и моя, будет зависеть будущее России.

Глава 2

*Из нитей судеб миллионов личностей соткана ткань для
смирительной рубахи нашего общества.*

Михаил Бакунин

Платон Аристархович неспешно шел по Садовой улице. Его радовал вид заснеженных домов, строгих и чопорных, будто вззирающих на пешеходов с оценивающим интересом. Забавляли снежинки, белой мошкаррой кружащие вокруг фонарей. Это был просто-таки невероятный, сказочный рождественский снег, неслышно заметающий город, снег без снаряжных воронок и торчащих осколков развороченных скал и, главное, без грязно-бурых пятен запекшейся крови.

Встречные пешеходы кидали порою на Лунева недоуменные взгляды, им было невдомек, что могло вызвать странную, беззаботную улыбку на лице сурового на вид полковника. Они не понимали, не могли понять, каково это – идти, не ожидая, что из темноты вдруг с предсмертным свистом вылетит снаряд, или где-то поблизости, точно кто-то рванул в клочья брезент, похоронит ночную тишь пулеметная очередь...

Мир этих людей был по-своему полон войной, по-своему сложен и опасен, а потому улыбка на губах прогуливающегося по Садовой полковника казалась им неуместной.

Госпожу Эстер у здания вокзала ожидали запряженные тройкой сани, но Платон Аристархович отказался от ее любезного предложения доставить прямо к дому «благородного спасителя». Его радовала возможность неспешно пройтись по улицам, по которым в последний раз довелось вот так хаживать бог весть сколько лет назад. Остановив извозчика в изрядном отдалении от своего жилья, он шел, продолжая размышления, прерванные внезапным появлением «сей романтической особы». По всему, его новая знакомая не годилась в шпионки, и все же мысли полковника, то и дело сбиваясь с правильного, стройного течения, возвращались к недавней спутнице. «Вот же незадача!» – Лунев тряхнул головой, отгоняя навязчивый образ.

«Не ходи в Апраксин двор, там сидит на воре вор! – внезапно припомнился ему услышанный когда-то детский стишок. – Отправляйся на Сенную, там обвесят и надуют!» Сенная площадь осталась позади. Впереди, озаренные пробивающимся из окон светом, маячили строгие чугунные решетки Пажеского корпуса.

«Возможно, в жандармерии на эту красотку имеется увесистый том, – неведомо чему усмехнулся контрразведчик, против воли возвращаясь к недавней спутнице... – Да, занятная штучка. Надо бы узнать, чем она занимается в то время, когда не ездит в поездах и не попадает в передраги с упившимися вояками. Уж точно не модисткой служит! – Он зачерпнул пригоршню снега, неспешно скатал и запустил немудрящий метательный снаряд в фонарный столб. – Впрочем, может, и вовсе ничем толком не занимается. Она ведь сказала, что брат выделил ей неплохое содержание. Тот, и вправду, очень богат, что и говорить. В последние годы только и слышно: „Миклош Эстерхази купил то, приобрел это“. Одна его коллекция бриллиантов чего стоит?! Поговаривают, богатство его не уступает размерами состоянию Ротшильдов. Возможно, поэтому князь и решил выделить новоприобретенной сестре денег и отправить с глаз долой – чтоб фамилию не позорила.

Еще бы! С такой-то родней кому захочется очутиться в центре скандала! Если и впрямь эта милая кокетка не лжет, то выходит, что она в родстве и свойстве едва ли не со всеми монаршими дворами Европы! Даже у нас. – Лунев напряг память, вызывая в уме заученные еще в Академии Генерального Штаба родственные связи европейских коронованных особ. – Да что далеко ходить – супруга великого князя Кирилла Владимировича, царского кузена, – старшая

сестра ее новой невестки. Занятно, весьма занятно! Хотя подобные связи действительно объясняют особое положение госпожи Эстер».

Он остановился возле освещенной витрины магазина. «Граммофоны и пишущие машины», – гласила вычурная надпись на вывеске. Было уже довольно поздно, но за стеклом еще горел свет. Военная пора заставляла торговцев с остервенением бороться за каждого покупателя, работать, не считая часов, до последнего клиента!

«Пишущие машины», – по слогам повторил Лунев, волевым усилием переключаясь с таинственной служительницы храма Эстер на имевшиеся в деле о заговоре улики. Таковых на сей момент было совсем немного, и потому на общем безликом фоне служебной переписки между инстанциями особо выделялась одна бумага, строго говоря, и послужившая детонатором, воспламенившим кажущийся мир и покой императорского двора.

Это было письмо, перехваченное военной цензурой в Харькове. Вернее, письмо не было перехвачено. Его доставил в полицию обычный почтальон, заявив, что на его участке нет указанного адреса. Конверт бесхозного послания сильно пострадал, должно быть, от дождя, буквы по большей мере расплылись и были абсолютно неразборчивы. И все же первые литеры названия улицы читались ясно: «Рыб...». В городе имелась улица Рыбная, но указанного номера на ней не оказалось, да и обозначенного в качестве адресата «полковника» никто из окрестных жителей не знал и припомнить не мог.

Лунев машинально толкнул дверь и, отряхивая снег с рукавов шинели, вошел в помещение. На него сразу пахнуло теплом и той дивной смесью уюта и деловитости, которую создавали расставленные кругом шедевры инженерного гения и научной мысли человечества.

– Чего изволите? – Немолодой приказчик незамедлительно возник перед запоздалым клиентом, изгибаясь в поклоне.

– Покажите мне печатные машины.

– К сожалению-с, новых поступлений не было, но у нас есть замечательные «Ундервуды» всего только прошлого года выпуска. Очень хорошие. Печатают четко, бумагу не рвут. Можно сразу приготавливать несколько копий. Для вас, – приказчик вскользь смерил полковничий мундир возможного покупателя, – это будет весьма кстати.

Лунев молча обвел глазами представленные ему образчики.

– Сию минуту, я сейчас запроважу бумагу.

– Сделайте одолжение, – не отвлекаясь от своих мыслей, утвердительно кивнул Лунев.

«На одной из таких машин и был напечатан текст нашего загадочного послания. Брошено оно в почтовый ящик, несомненно, в Харькове, иных штемпелей на конверте нет. Но текст, похоже, свидетельствует об определенной близости к императорскому двору».

«Дражайший кузен и кум! – гласило послание. – Как ты знаешь, события у нас в Петербурге продолжают развиваться стремительно, неуклонно приближая конец нынешнего царствования. Недовольство императорской семьей тем больше, чем сильнее влияние на нее „полоумного Старца“, чем меньше деятельной воли в поступках самого государя. Считаю должным сказать тебе, что недовольных, готовых к решительным действиям, предостаточно не только в гвардии, но и вокруг трона. Даже и среди тех, кто чувствует ступнями его ступени и свысока взирает на них.

Полагаю несомненным, что дамоклов меч, висящий над российской короной, уже скоро рухнет на нее всей своей тяжестью. В этот час прямая обязанность и долг чести всякого дворянина, а тем паче каждого офицера, сделать правильный выбор...»

– Вот, пожалуйста. – Расторопный приказчик ловко вставил белые листы, проложенные черной копировальной бумагой. – Если желаете – сами испробуйте.

Лунев мельком поглядел на круглые белые клавиши из слоновой кости, на черные значки буквиц, размял озябшие пальцы и неспешно, литера за литерой, отпечатал слово, заменявшее подпись в адресованном никому письме:

ФЕХТМЕЙСТЕР.

Платон Аристархович задумчиво расправил еще недавно девственно чистый лист, любясь достигнутым результатом, словно пытаясь в ровном начертании букв узреть душу неведомого заговорщика.

Судя по манере излагать мысли, человек, отправивший письмо, довольно резок и, без сомнения, решителен. Он требует, настаивает, пусть даже и слегка маскируя свои требования мишурой светской учтивости. Если полагать, что изложенное в данном образчике эпистолярного жанра – правда, а не бредовая выдумка наподобие неисчислимых революционных ордов господина Нечаева,² то государю и впрямь есть о чем беспокоиться!

Эзопов язык письма весьма прозрачен, автор даже и не удосужился всерьез зашифровать столь компрометирующее послание. Скажем, особы, могущие взирать свысока на ступени трона, – не иначе как великие князья. Они, в отличие от прочих смертных, сами на этих ступенях располагаются и, естественно, смотрят на них сверху вниз. Но вот «Фехтмейстер»?..

Будь неведомый покуда автор профессиональным разведчиком, не стоило даже сомневаться в том, что прозвище его никак не связано с родом деятельности. Но если это не так, а вероятно, это не так – настоящий шпион никогда бы не ошибся адресом, – то резонно предположить, что заговорщик и впрямь признанный в гвардии мастер клинка. А ежели данное предположение верно, то число возможных подозреваемых сравнительно невелико. К тому же неведомый корреспондент неосторожно писал «у нас в Петербурге». Между тем большая часть гвардейских полков сейчас на фронте, и это тоже значительно сужало круг поиска.

Лунев восстановил в памяти приложенный к письму список инструкторов и учителей фехтования, служивших за последние десять лет в Петербургском округе. Перечень их был не слишком длинным, к тому же всех унтер-офицеров контрразведчик отбросил с самого начала. Никто из них не мог вращаться в придворных и офицерских кругах. Оставалось восемь человек, из которых пятеро сейчас находились в действующей армии.

– Ну, как вам машина? – по-своему оценивая задумчивость клиента, поинтересовался приказчик.

– Хороша. – Полковник вытащил отпечатанный лист и поднес к глазам.

Так и есть, у букв наличествует свой характер. Вот, у «т» чуть-чуть, самую малость, не допечатывается ножка, а на «е» какая-то точка...

– Желаете приобрести?

– Возможно, – уклончиво ответил Лунев. – Однако не нынче, иным разом. – Приказчик едва сдержался от бурного выражения неодобрения. – А скажите, голубчик, – между тем продолжал Лунев, – много ли у вас таких вот машин покупают ныне?

– Отчего ж, – без особой охоты, но все же вполне учтиво ответил продавец, – покупают. Вот и господа офицеры берут. Нынче-то небось в штабах работы много, а их в Петрограде теперь вон сколько. Да и магазин у нас солидный. Место хорошее, товар знатный.

– Это верно, – согласился контрразведчик, – работы много.

В его голове отчего-то не желал складываться образ ловкого фехтовальщика, орудующего клавишами пишущей машинки, точно рапирой, легко и непринужденно. «Быть может, все же „Фехтмейстер“ – лишь кодовое обозначение? И я копаю не в ту сторону?»

– А вот еще, – выходя из задумчивости, проговорил Лунев. – Вы случайно такие вот пробные листы для каких-нибудь нужд не храните?

– Ну что вы? – приказчик развел руками. – Нам без надобности.

– Очень жаль. – Полковник направился к выходу.

² С. Г. Нечаев – русский революционер, организатор тайного общества «Народная расправа», автор «Катехизиса революционера», активно применял методы провокации и мистификации.

– А вот не желаете ли, скажем, пластинку купить? Панова есть, Вяльцева. Или вот новый Шаляпин.

– Нет, благодарю.

Лунев вышел на улицу, и за спиной его над дверью печально звякнул колокольчик.

До квартиры, арендованной Луневым здесь же на Садовой еще двенадцать лет назад, оставалось идти не более четверти часа. Миновав здания Гостиного двора и Публичной библиотеки, Платон Аристархович перешел Невский. За спиной, дребезжа в темноте, прокатился трамвайный поезд. Сей наследник конки, уже привычный жителям столицы, неизменно вызывал живейший интерес у приезжих. Лишь семь с небольшим лет назад колеса первого самобеглого вагона коснулись земли Санкт-Петербурга, но появился-то он здесь куда раньше! Правда, до сентября 1907 он ездил лишь зимой, по рельсам, уложенным на лед замерзшей Невы.

– Ваше высокоблагородие, огоньку не найдется? – Перед Луневым стоял инвалид в долгополой солдатской шинели с пустым рукавом.

– Да-да. – Лунев достал из кармана коробку шведских спичек.

– Благодарствую! – поднося к огню папиросу, вымолвил служивый и добавил чуть тише: – Господин полковник, вы уж, того, поосмотрительней будьте, там за вами малый хвостом вьется, морда ненашенская, как бы чего дурного не вышло.

Лунев оглянулся, опуская в карман спичечный коробок и нащупывая рукоять маленького пятизарядного браунинга. Местные остроумцы именовали такие пистолеты – «опасная игрушка для самоубийц». Он мельком повернул голову, оглядываясь через плечо, точно привлеченный перезвоном отправки электрического вагона. Невысокая мужская фигура, плохо различимая в темноте, резко повернувшись, скрылась в подворотне.

– Экая чертовщина, – пробормотал себе под нос Лунев, поворачиваясь и уже открыто глядя в сторону Невского. – Кому это я вдруг понадобился? – Он простоял еще несколько минут, но соглядатай не появлялся. – Может, почудилось? – не выпуская на всякий случай браунинг из руки, вздохнул Платон Аристархович.

Всю оставшуюся дорогу он шел, тщательно прислушиваясь к шагам за спиной и пытаясь догадаться, вправду ли его кто-то выслеживал, или же померещился бывшему солдату «коварный враг».

У самого подъезда стоял роскошный новенький автомобиль «делоне-белльвиль». Возле мотора перетапывался с ноги на ногу дюжий казак-атаманец. Увидев полковника, тот вытянулся во фронт, вскидывая руку к папахе. «К кому бы это?» – отвечая на приветствие, подумал Лунев, вспоминая всех живущих в подъезде. Но не успел он припомнить каждого из соседей, как из машины, словно чертик из табакерки, выскочил еще один человек.

– Лейб-гвардии Атаманского казачьего полка сотник Холост! – на всю Садовую оттрапортовал офицер.

– И что ж с того? – с недоумением глядя на стоящего перед ним казака, осведомился Лунев. – Я, чай, не сваха, на что мне знать, холосты вы или женаты?

– Фамилия моя Холост, – ничуть не смутившись, явно не впервой, ответил улыбающийся атаманец, – звать Сергеем Ивановичем. Лет сто тому обратно предку моему, войсковому старшине, писарь документ выправлял, да с пьяных глаз перепутал: там, где фамилия значиться должна, семейное положение вlepил. А так-то у него прозвание было Жук! Мы о-го-го, еще те Жуки были! – Сотник поднял кулак, видимо, демонстрируя впечатляющие размеры жуков. – Ну а писарь, стало быть, волосья на тыковке своей подергал и предложил моему незабвенному пращуру аж десять целковых за то, что в пачпорте напишет фамилию по-благородному – «Холост-Жук».

– И что? – уже заинтересованно глядя на балагура, спросил контрразведчик.

– Предок мой славный почесал старательно лоб да за пять рубликов и шкалик зелена вина согласился просто Холостом зваться, а то уж совсем несусветно получается. Так вот с тех

пор уже век холостыми и значимся. С барышнями удобно знакомиться – женат, не женат, а все холост.

– Ловко! – усмехнулся Платон Аристархович. – А ко мне у вас что за дело?

– Прибыл к вашему высокоблагородию с высочайшим предписанием! – отчеканил сотник, протягивая Луневу опечатанный конверт. – Шо тот ревизор! Приказано быть вам отцом родным, тенью и у-у-у!.. – Он погрозил кулаком, явно копируя поведение высокого начальства, отдававшего приказ. – Насчет «у-у-у» я не настаиваю.

– Ну что ж, – полковник не смог удержаться от невольной улыбки, – пожалуйста в дом.

– Слушаюсь, господин полковник! – с видом бравого служак отчеканил казак, а затем насмешливо бросил через плечо: – Васек, береги мотор, шоб его местная шантрапа на грузила не разнесла!

Бородатый швейцар в черной бархатной тужурке, отделанной серебряным галуном, предупредительно распахнул двери, кланяясь с предельно доступной для его спины почтительностью.

– Добрый вечер, ваше высокоблагородие! – елеинным голосом выговорил он, мельком поглядывая за спину Лунева. – С назначеньцем вас!

– Здорово, Прохор! – Лунев мельком кинул взгляд туда, куда смотрел швейцар. На дверце автомобиля красовался внушительных размеров двуглавый орел под императорской короной.

«Мотор-то из царского гаража! – про себя отметил Лунев. – То-то Прохор суетится!»

Домашние уже давно смирились с грустным фактом, что даже в те редкие часы, когда глава семейства дома, он все равно на работе. Впрочем, правду сказать, уже много лет сие обстоятельство мало беспокоило супругу Платона Аристарховича.

Шестнадцать лет назад выйдя замуж за подающего надежды выпускника Академии Генерального штаба, вчерашняя гимназистка очень скоро поняла, что жизнь не удалась, светских раутов не предвидится и бывать в столице придется урывками. Благоверный, едва грянула война с японцами, умчался бог весть куда, в Забайкалье, хотя мог остаться здесь, при Генеральном штабе. Затем он мотался по Европе, как гончий пес за добычей, и не добыл там ничего, кроме ордена и первой седины на висках. Потом, повздорив с начальством, и вовсе уехал на Кавказ, обрекши себя на добровольную ссылку.

Следовать за мужем в страну диких увешанных оружием бородатых разбойников молодая дама отказалась наотрез. С тех пор она жила в квартире на Садовой, запоем читая романы, по воскресеньям занимаясь столоверчением и воспитывая четырнадцатилетнего сына – кадета. Большую часть жалованья Лунев присылал ей, оставляя себе не более, чем нужно было для мало-мальски сносного быта. Правда, в те считанные разы, когда он приезжал в столицу, встречи в семейном кругу были тоскливы, как напев муэдзина. Говорить было не о чем, да и незачем. Все было тихо и благопристойно, словно на уроке закона божьего.

Осведомившись, желает ли Платон Аристархович ужинать, или же чаю, супруга тихо затворила дверь кабинета, оставляя офицеров наедине. Привезенный сотником пакет был аккуратно вскрыт. Лунев быстро пробежал глазами четкие ровные строки, выведенные каллиграфическим почерком. Пожалуй, графологи сказали бы, что их автор – любитель прекрасного и неуклонно ищет совершенства во всем. Под текстом стояла подпись генерал-лейтенанта князя Орлова. Как было известно едва ли не каждому в Царском Селе и его окрестностях, этот барственный потомок мятежного стрельца возглавлял личный императорский гараж, а заодно и Военно-Походную канцелярию государя. Почтеннейший Владимир Николаевич рекомендовал сотника Холоста как человека преданного и в высшей степени надежного, а кроме того, «обладающего известной ловкостью и многими полезными умениями».

– Что ж это за умения у вас такие? – Лунев перевел взгляд на стоящего перед ним художавого офицера.

– Да так. – Сотник взмахнул рукой, точно разминая кисть. – Хотите, могу цыганский романс спеть, или, что ли, чай заварить?

Платон Аристархович усмехнулся самым уголком губ. В облике этого ерничающего казака чувствовалось нечто жесткое, вроде упрямой в кулаке свинчатки.

– Князь Орлов пишет, что полковник Спиридович по его приказу выделил вас мне в помощь, и он целиком согласен с этим выбором.

– Ага, а включая дедукцию, можем установить, что ежели я приехал на автомобиле по распоряжению полковника Спиридовича, то я, во-первых, умею водить мотор, во-вторых, он принадлежит к императорскому гаражу, и в-третьих, я не только шофер, но и офицер императорской охраны. Как говорил великий Шерлок Холмс: «Элементарно, Ватсон».

– Вы читали мистера Конан Дойля?

– В оригинале.

Лунев с нескрываемым интересом вновь поглядел на стоящего перед ним атаманца. Казак, свободно владеющий английским, казался ему столь же удивительным, сколь и фехтмейстер, печатающий на пишущей машине.

– Какими еще языками владеете?

– Всеми европейскими, – без намека на скромность небрежно сознался удивительный сотник. – И кое-какими восточными.

– Ого! – Стоящий перед ним офицер вызывал все больший и больший интерес контрразведчика. Его подмывало спросить, где и когда сотник выучился языкам, но он уже твердо решил ознакомиться с его личным делом поподробнее и потому неспешно продолжал светскую беседу. – Стало быть, теперь вы назначены моим личным шофером.

– Шофером, телохранителем и уже поминавшимся ныне доктором Ватсоном, если, конечно, пожелаете.

– Ну, положим, личный страж у меня уже есть.

Лунев хлопнул в ладоши. Дверь моментально распахнулась, и в проеме, словно джинн из бутылки, образовался статный, широкоплечий детина в черкеске Дагестанского конного полка. Темные глаза горца смотрели подозрительно, а росшая почти от самых глаз борода придавала его лицу дикое, если не свирепое, выражение. На поясе «личного стража» висел, отливая серебром, увесистый кубачинской работы кинжал.

– Хорош, – оглядывая сумрачного джигита, констатировал сотник. – Малых детей пугать – самое то. Раз приснится – и все, прачка без дела сидеть не будет.

Гордый сын кавказских гор нахмурился, становясь от этого еще более грозным, если только к совершенству его облика можно было что-то добавить. Лунев не сомневался ни в том эффекте, который вид его вестового производил на неподготовленных людей, ни в том, что сущность в точности соответствует видимости.

Еще совсем недавно Заурбек Даушев был известным на всю округу абреком, сиречь разбойником. Полиция гонялась за ним без малого пять лет и почти изловила в прошлом августе. И вероятнее всего непременно бы схватила ловкого налетчика, когда бы вдруг он сам не явился в штаб Дагестанского конного полка с сообщением, что он с нукерами желает поступить добровольцем. Спустя всего три месяца виц-унтер-офицер Даушев числился едва ли не лучшим наездником всей горской кавалерии. Но о том, что толкнуло неуловимого абрека на этот шаг, как, впрочем, и о многом другом, горец молчал.

– Ну, полно хвалиться-то, – не спуская взгляда с атаманца, бросил Лунев. – Чего уж, признайте, что страж у меня преизрядный.

– Ну, ежели того медведя, который около швейцарской с блюдом стоит, тоже в стражи записать, то этот не в пример лучше.

В холле действительно стояло чучело крупного медведя с блюдом в передних лапах. На этом блюде гости, не заставшие хозяев, оставляли свои визитные карточки.

– Похвалько! – хмыкнул Лунев. – Кажется, так у вас говорят?

– Ну, говорят-то всяко. – На лице сотника появилась задорная усмешка. – А вот ежели хотите, то давайте испытаем. Желаете ли, я ему фору дам? Скажем, пять безвозвратных ударов?

– Вы что ж это, серьезно?

– Отчего нет? Полагаю, нам здесь никто не помешает. О чинах на время можно забыть. Ну что, приступим, что ли?

Лунев недоверчиво поглядел на своего будущего помощника. По всему выходило, что против Заурбека ему не выстоять. Однако ж уверенность нового соратника была столь велика, да к тому же... Платон Аристархович погладил бровь, как зачастую делал это во время раздумий: «Мне достоверно следует узнать, так ли хорош сей вояка, как о том пишет Орлов».

– Ну что ж, – наконец вымолвил он, – желаете снять китель?

– Да ну! Пустое это. Всякий раз перед махачем заголяться – рубаху в клочья истреплешь! Поди, объясняй потом, шо хотел банально завалить врага, как ту елочку под самый корешок.

– Как пожелаете, – согласился Лунев, проникаясь азартом своего «доктора Ватсона». – Итак! Раз, два, начали!

Не заставляя себя долго упрашивать, Заурбек кинулся на ухмыляющегося казачьего офицера. Он вообще не слишком жаловал казаков, а этот и вовсе отчего-то вызывал у него открытую неприязнь. Точно волк, почуявший опасного чужака, он рвался в бой, готовый примерно расправиться с врагом, как делал это с удовольствием, и не раз.

– Ах-ах-ах. – Правый кулак Заурбека, метивший в челюсть дерзкого сотника, пронзил то место, где только что красовалась его ухмыляющаяся рожа. Казак змеей выскользнул из-под удара. Левая рука горца немедленно вылетела вперед, метя обидчику в грудь. Таким ударом грозный абрек выбивал дух из всякого, кому доводилось почувствовать его на себе. На этот раз удар снова попал в пустоту, едва задев пуговицу на офицерском кителе.

– Это номер два! – явно глумясь, выкрикнул казак. Затем были номера три, четыре и пять с тем же неказистым результатом. – Теперь моя очередь, – насмешливо продолжил сотник, и тут же Заурбек почувствовал, как ладонь противника легко коснулась его атакующей руки чуть выше локтя, продолжая ее движение. Еще мгновение, и, сам того не желая, он вдруг развернулся, теряя равновесие и чувствуя на горле твердое, как дубовый брус, предплечье художавого казака. Еще никогда Заурбеку не доводилось проигрывать в рукопашной схватке один на один, а уж так глупо...

Он дернулся, но тщетно. Ладонь второй руки атаманца аккуратно придерживала его затылок, фиксируя голову, точно в тисках.

Заурбек почувствовал удар спиной об пол. Над его головой звучало:

– Вообще-то по ходу там ломаются шейные позвонки, но мы же одного царя солдаты.

Не ведая себя от ярости, дагестанец вскочил на ноги, выхватывая из ножен кинжал. Сотник стоял перед ним, как ни в чем не бывало, вот только в руке его красовался взведенный наган. Ствол револьвера глядел Заурбеку аккуратно между глаз.

– А вот еще, – все тем же насмешливым тоном продолжал Холост. – Ваше высокоблагородие, забыл сказать, я не только романсы петь умею, я еще при стрельбе не промахиваюсь. Никогда.

– Отставить, Заур! – решительно приказал Лунев, и горец с неохотой послал кинжал обратно.

Если бы звон оружия мог свидетельствовать о негодовании его хозяина, то этот рассказал бы многое.

– Да, – глядя на выхваченный Холостом револьвер, уважительно кивнул полковник. – Это было очень быстро.

– Ага, – пряча наган в кобуру, довольно кивнул атаманец. – Вы знаете, старина Буффало Билл говорил мне то же самое.

«До чего странный субъект! – не меняясь в лице, подумал контрразведчик. – Тем не менее Спиридович и Орлов и вправду имели веские основания рекомендовать его».

(Из донесения от ...01.1915 г.)

...Как и предполагалось, полученные сведения заставили императора Николая II предпринять скорые и решительные меры по обнаружению и ликвидации заговора. Для этого ныне создается специальная группа во главе с полковником Луневым Платоном Аристарховичем, 1871 года рождения. Из потомственных дворян. Уроженец Киева. Окончил Киевское юнкерское училище. Служил в Лубенском гусарском полку. В 1899 году окончил Николаевскую Академию Генерального штаба по I разряду. В 1900 г. причислен к Генеральному штабу в звании капитана. С 1901 г. – в Особом Делопроизводстве. С 1902 г. по 1904 г. – руководил контрразведывательными действиями против японской агентуры в Санкт-Петербурге. С началом русско-японской войны прикомандирован к действующей армии. Работал против японской агентуры в Париже и Брюсселе. С 1907 г. назначен на Кавказ начальником контрразведывательного отделения 2-го Туркестанского корпуса. Успешно провел операцию по выявлению разведывательно-диверсионной сети турок в Баку и Дербенте с последующим использованием ее с целью дезинформации Энвер-паши.

Произведен в полковники Генерального штаба с причислением к свите Е.И.В. Флигель-адъютант. Награжден орденами Владимира 4-й степени, Анны 3-й, 4-й (Анненским оружием), Станислава 3-й степени и многими медалями.

Талантливый контрразведчик, умен, проницателен, решителен. В работе склонен к проявлению самостоятельности.

Полагаю целесообразной его скорейшую вербовку и дальнейшее использование в означенном деле.

Фехтмейстер

Высокая чугунная ограда с острыми пиками, тянувшаяся вокруг заснеженного сада, зна-току стилей во весь голос заявляла о приверженности вкусам, бытовавшим в эпоху Великого Петра. Впрочем, сам дом скорее напоминал рыцарский замок, такой, как его нарисовал бы любитель романов Вальтера Скотта. Круглая в сечении высокая башня с крышей-колпаком и длинным шпилем некогда царила над всей округой. Да и теперь она возвышалась над стоящими рядом трех- и четырехэтажными зданиями, однако сейчас это было не столь заметно. Роскошный мотор, разорвав ночную тьму желтыми фарами, свернул в переулок и остановился у самых ворот. Расторопный шофер поспешил открыть дверцу перед хозяином экипажа. Если бы рядом оказался запоздалый прохожий, при свете фонарей, горящих над входом и по бокам сеней, он бы смог рассмотреть высокую фигуру в долгополой шинели с красными отворотами. И, возможно, удивился бы, отчего вдруг его превосходительство должен идти к дому пешком, а не въезжать, как подобает, через ворота. Но самого генерала это, похоже, нисколько не смущало. Довольно поспешно он подошел к сторожке у ворот и стукнул висящим тут же бронзовым молоточком по начищенному до блеска прямоугольнику.

– Вы опаздываете! – недовольно заметил привратник, открывая калитку.

– Прошу извинить меня. Дела во дворце, – почтительно склонил голову генерал.

– Проходите. Великий Магистр надеется, что у вас нынче действительно была уважительная причина для опоздания.

– Да-да, конечно, весьма уважительная, – проходя в сад, закивал головой поздний гость. Но привратнику, казалось, до его объяснений уже не было никакого дела.

У самого входа в дом обладателя шинели с красными отворотами ждала новая преграда. Едва успел он подняться по лестнице, как рядом с ним точно стустились из темноты два субъекта весьма сурового вида.

– Кто ты и зачем пожаловал?

– Я – брат Вергилий, – почти шепотом объявил генерал. – Мой символ – золотая ветвь.

– Знаешь ли ты слово, открывающее Врата Храма?

– «Преданность», – произнес вновь пришедший.

– «Истина», – ответили столь же негромко стражи Ворот и опять растворились во тьме.

В тот же миг двери открылись без скрипа.

– Поднимайтесь в библиотеку, ваше превосходительство, – принимая шинель, объявил тот, кого в обычном случае можно было бы именовать лакеем.

– ...Итак, господа, призываю вас помнить, что от нашей деятельности сейчас зависит будущее не только России, но и Европы, а возможно, что и всего мира.

Глава 3

Никогда не говори правду прежде, чем узнаешь, чего от тебя ждут.
Талейран

Низкое, хмурое даже в темноте небо висело над городом, то сбрасывая на проспекты и улицы снежные бураны, то посвечивая себе в разрывах туч унылым огарком желтой луны.

Лаис старательно куталась в меховую полость и пыталась спрятать от мороза в собольем воротнике точеный носик. Она терпеть не могла местных зим. Впрочем, лето здешнее она тоже не слишком жаловала, но в прежние годы была возможность уехать в Крым к теплому морю, где небо, конечно, не было таким синим, как над ее родным домом, но все же...

Лаис прикрыла глаза, вызывая в памяти видения своей юности. Вырубленный в скале храм казался ей чудовищно огромным. Лишь только Великая Мать, всю жизнь посвятившая служению Эстер, знала все переходы и тайные помещения этого огромного скального лабиринта. Происхождение давало Лаис право бегать по темным коридорам святилища взад и вперед безо всякого риска. Неведомым способом все женщины ее рода могли безошибочно найти верный путь в запутанных анфиладах храма. Они верили, что дух прародительницы уводит их от ловушек и загораживает хитроумные западни. Однако стоило чужаку лишь попытаться проникнуть в тайны мистерии – земля разверзлась бы под ногами дерзкого нечестивца. В священном городе об этом знал каждый.

Но Лайошу Эстерхази то было неведомо. Преследуя раненого леопарда, он заметил расщелину, в которой пытался укрыться зверь. Дальнейшее можно было объяснить лишь чудом, или же тем высоким предназначением, которым был отмечен храбрый охотник.

Конечно, Лаис верила в чудеса. Ибо разве не чудом была вся ее жизнь? Но более полагала истинным второе объяснение. Этот высокородный князь из рода Эстер был действительно направлен в Карнаве Провидением для того, чтобы появилась на свет она. Так не раз ей говорил отец. А уж он-то всегда знал, что говорит. Она должна была познакомить мир с тайным знанием, которое долгие века хранилось в лабиринтах скального храма прародительницы Эстер!

Она заслонила ладонью от холодных бичей срывающейся метели.

Внезапно ее охватило тянущее, ноющее, как больной зуб, чувство тревоги. Что-то не так! Опасность! Здесь, совсем рядом!

Она припомнила недавнее происшествие в вагоне. Когда этот то ли пьяный, то ли контуженный штабс-капитан полез с кулаками, ей, конечно, было очень страшно, но все же ничего подобного не чувствовалось. Более того, она знала, что все будет хорошо, что все происходит именно так, как должно происходить.

– Тпр-ру! Тпр-р-ру! А ну стой!

Донесшийся до ее слуха окрик был жесткий и весьма грубый, однако в тоне, которым была выкрикнута команда, чувствовалась та властность, которая бывает не у разбойников, а у людей, облеченных законным правом. Она резко открыла глаза, возвращаясь от гор Карнаве, облаченных, точно в молитвенное одеяние, в синеву небес, скрепленную блистающим аграфом дневного светила, в студеную, посыпающую мелким снегом ночь Петрограда. У саней, держа под уздцы коренника ее тройки, стоял грозного вида жандарм в длинной кавалерийской шинели с шашкой и кобурой револьвера на боку.

– Чем обязана? – ледяным тоном произнесла Лаис, внутренне содрогаясь от мысли, что вопрос, заданный ей нынче любезным полковником в поезде, вовсе не был столь праздным, как ей представлялось.

«Вот и мой черед пришел», – подумала она с тоской.

– Вы, значит, будете госпожа Эстер?

Лаис огляделась, точно видела окрестности впервые. Сани находились у самых ворот ее дома на Большой Морской. Чуть поодаль, с противоположной стороны саней маячила фигура еще одного жандарма. Этот хмурый усач с сизым носом казался особенно суровым, но скорее всего просто внутренне негодовал из-за необходимости стучать зубами на морозе, поджидая какую-то расфуфыренную дамочку, вместо того, чтобы сидеть дома за самоваром и баранками. Из-за его спины выглядывала хитрая, но встревоженная физиономия соседского дворника Махмуда. Или Мухаммеда? Лаис не помнила.

– Я госпожа Эстер, – с достоинством произнесла Лаис, поглядывая на освещенные окна над головой. Весь второй этаж в доме вдовы адмирала графа фон Граббе снимала она. Сейчас электричество там горело везде, точно в доме был званый ужин.

«Наверняка сейчас они роятся в моих вещах», – подумала Лаис и брезгливо отстранилась от предложенной жандармом руки.

– Выходите, выходите, барышня. Поторапливайтесь! Мы вас здесь уже битый час поджигаем! – сурово топорща усы, пробасил ревностный служака, шмыгая носом.

Лаис молча прошла к парадному входу, рядом с которым красовался еще один страж закона.

– Почему столько людей? – поморщилась она, все еще стараясь держать себя в руках. – Зачем ломать эту комедию?

В сопровождении давешнего блюстителя государева покоя она поднялась к себе. В помещении обнаружилось еще несколько жандармов. Они бродили меж разбросанных вещей, делая какие-то пометки, записывали показания всхлипывающей кухарки, судачили об исправности замков и отсутствии валерьяновых капель, не слишком при этом обращая внимание на присутствие хозяйки.

– Потрудитесь объяснить, что здесь происходит!

Словно только сейчас заметив ее, один из присутствующих макнул в чернильницу железное перо, окинул женщину подозрительным взглядом и выкрикнул негромко:

– Ваше благородие! Госпожа Эстер прибыла.

Платон Аристархович с нескрываемым интересом глядел на своего будущего помощника. Конечно, реальная война разведок имела довольно мало общего с тем, как описывали ее господа романисты. И в первую очередь эта стезя есть поединок умов, а не кулаков и даже не ловкости стрелковой. И все же... Он живо припомнил недавнюю тень, скользнувшую в подворотню. Этаким хват может пригодиться! А если он столь же ловок на клинках, сколь в рукопашной схватке, тогда...

– Bravo, bravo, господин сотник, весьма ловко! Это, я так понимаю, японское джиуджитсу?

– Вроде того.

– А скажите, будьте любезны, саблей вы владеете столь же изрядно?

– Оба-на! Это шо ж мы, на тайных врагов Отечества в сабельной атаке ломанемся? – вопросом на вопрос, не задумываясь, ответил казак.

– И все же? Только правду. Это важно.

– Ага, правду режем, хвосты рубим, чушь порем – главное не перепутать, – в пространство бросил атаманец. – Но если так, положи руку на источник моего оптимизма, то найдется пара-тройка бойцов, с которыми мне придется тяжко. Я имею в виду здесь, в Питере.

– Замечательно, – удовлетворенно кивнул Лунев. – И вы можете назвать их имена?

– А, бэ, вэ... Абракадабра. – Холост начал старательно корчить рожи, точно проверяя, хорошо ли движется язык в полости рта. – Могу. Однозначно.

Лунев покачал головой. Вероятно, во всей императорской гвардии не сыскать было офицера, столь явно манкирующего субординацией, нежели этот сотник. Впрочем, таланты его,

вероятно, искупали показное шутовство, хотя можно было держать пари, что высоких чинов казаку не добиться ни за какие коврижки.

– Итак, – между тем продолжал атаманец, – поручик Маслов – отменный рубака, но его сейчас в столице нет. Затем, в конно-гренадерском полку очень сильный фехтовальщик, князь Шервашидзе, ну и конечно же, гранд-мастер.

– Это вы о ком? – настороженно уточнил контрразведчик.

– Да ну, – Холост поглядел на него озадаченно, – неужто не слыхали? Ротмистр Чарновский, конечно же! Вот уж действительно не фехтмейстер, а чародей! У него в руках шпага, сабля, да что там, пика или же вон горский кинжал – шо та волшебная палочка. Да-а, Михаил Георгиевич, если хотите знать – истинный Гудини³ от фехтования.

– Вот как?

– Да вы шо? Кто ж в Петрограде не знает ротмистра Чарновского?!

– Да, судя по вашему рассказу, человек более чем достойный. Но сейчас он тоже, должно быть, на фронте.

– А вот и не угадали. В Петрограде он. Заместитель начальника Главной фехтовально-гимнастической школы.

– Что ж, – Платон Аристархович едва скрыл хищную ухмылку, – полагаю, стоит мне свести знакомство с этим незаурядным господином.

Коллежский асессор Снурре был своего рода легендой департамента полиции. По праву с гордостью носил прозвание «человека-фотоаппарата», ибо стоило ему хотя бы раз увидеть лист бумаги, усеянный буквами или же цифрами, и он спустя годы в точности мог воспроизвести написанное. Дивная особенность ума этого неказистого с виду человека делала его порой незаменимым для распутывания самых замысловатых дел. Он был настоящий ходячий архив и в памяти своей хранил самые незначительные детали преступлений, которые попадали в поле его зрения.

Несколько лет назад, работая против японской разведки, Платон Аристархович имел возможность лично и в полной мере убедиться в превосходных качествах «человека-фотоаппарата». Никто, кроме него, не смог бы с ходу назвать поименно всех японцев, корейцев и китайцев, въехавших в Санкт-Петербург за последние десять лет, а также сообщить адреса их проживания, даты и маршруты передвижений и многое-многое другое.

Сейчас Христиан Густавович сидел перед Луневым, попивая чай с сахаром вприкуску, готовый с ходу ринуться в бой и постоять за Отечество, ибо большего патриота России, нежели сей потомок шведа-завоевателя, нужно было еще поискать.

– ...Особое же внимание обратите на некоего ротмистра Чарновского Михаила Георгиевича.

– Как же, как же, – блестя из-за стекол золотого пенсне пронзительно голубыми, точно сукно жандармского мундира, глазами, закивал Снурре, – ротмистр конногвардейского полка. Ныне в Главной фехтовально-гимнастической школе начальника замещает. Говорят, большой специалист всякими железными булавками размахивать.

– Он что же, – заинтересованно глядя на круглобокого архивиста, спросил Лунев, – уже попадал в поле зрения департамента?

– И не только попадал, любезнейший Платон Аристархович, но и по сей день там пребывает. Презанятнейшая, доложу вам, особа!

– Любопытно. И что ж в нем такого занятого?

– Ну, так, извольте видеть, почитай все. Отец его, Ежи Чарновский, был корнетом в Варшавских уланах. А когда в 1863 году в Польше случился мятеж, стал адъютантом у генерала

³ Гарри Гудини – знаменитый американский фокусник конца XIX – начала XX в.

Домбровского. Как ляхов подавили, так ему объявили десять лет, как про то Александр Сергеевич писал «во глубине сибирских руд». Когда он на волю освободился, ему уже около тридцати было. Дома нет, семьи нет. Тут ему удача и улыбнулась. Да не просто так, а в тридцать два зуба: как-то охотясь в тайге, набрел Ежи Чарновский на богатейшую золотую жилу и в короткое время из нищего стал миллионщиком. Спустя два года, это выходит уже в 1875-м, поехал он в Париж, да там и женился на прехорошенькой девушке из знатного французского рода.

– Ну, понятно, – перебил Лунев, – золота на гербе куда больше, чем в кармане.

– Отнюдь нет, ваше высокоблагородие. А вовсе даже наоборот. Мари де Катенвиль, дочь барона Анри Сержа де Катенвиля, почиталась одной из лучших партий Франции. Ее папеньке едва ли не четверть виноградников на берегах Луары принадлежало.

– Стало быть, деньги к деньгам.

– Именно так. А в отведенный срок Ежи, или как он теперь звался, Георгий Чарновский, сделался отцом вышеуказанного ребенка мужеского пола, крещенного по католическому обряду Михаилом. Случилось это в 1882 году.

– Хорошо, – кивнул Лунев. – Но даты меня сейчас не слишком интересуют.

– Как скажете, так скажете. А то вот скоро февраль, могли бы его с днем рождения поздравить.

– Непременно, – усмехнулся Платон Аристархович. – Однако продолжайте.

– Молодые годы Михаил Чарновский провел с отцом на Урале и в Сибири, затем переехал во Францию вместе с матерью. Ей, видите ли, климат наш чересчур холодным казался.

– Ее можно понять.

– Не без того, – согласился его собеседник. – Так вот, войдя в годы юности, Мишель Чарновский, который стал зваться после смерти деда – барон де Катенвиль, переехал в Париж из родового замка и учился там в Сорбонне богословию и философии.

– Занятно. – Лунев скептически покачал головой. – Хорошее начало биографии для будущего мастера клинка!

– Но, вероятно, более чем труды Боэция и Святого Северина, его интересовали успехи в свете. С ним там было связано несколько скандальных историй. – Архивист печально развел своими короткими ручками. – Любимец дам, знаете ли.

– Богат, знатен, ловок, возможно, умен и, вероятно, хорош собой. Отчего бы, спрашивается, быть по-иному?

– Дамы полагают именно так, – с сожалением произнес Снурре.

– Ну, полноте, Христиан Густавович, нечему завидовать. Сколько этих светских львов в деле оказываются совершеннейшими моськами.

– Но этот-то не таков. – Полицейский чиновник поправил отблескивавшее пенсне. – В 1903 году, простите за очередную дату, но это важно, Чарновский вдруг ни с того ни с сего бросает Францию и прибывает в Петербург, где добивается зачисления вольноопределяющимся в лейб-гвардии драгунский полк. В 1904-м, к началу русско-японской – он уже поручик, и в первый же день боевых действий подает на высочайшее имя прошение о переводе в Забайкальское казачье войско.

– Ну-ну. – Лунев уселся поудобнее и, положив руки на стол перед собой, приготовился слушать. События тех дней были ему хорошо знакомы, это была часть его собственной жизни, одна из важнейших ее частей.

– Так нешто запомнили, Платон Аристархович? – Снурре удивленно поглядел. – Это же Чарновский во время рейда генерала Мищенко на Инкоу пленил того самого полковника Сабуро Мияги!

От неожиданности Лунев едва не выронил карандаш, которым делал пометки в записной книжке. Память немедленно вернула его в 1903 год. Япония тогда стремительно рвалась к

власти на Дальнем Востоке, желая расширить свое влияние на Китай и Корею. Единственным серьезным противником на пути у «Пробудившегося желтого дракона» была Россия.

Кроме действующей государственной разведки в те дни активно и, увы, весьма успешно работала частная секретная служба тайного общества «Черный океан». Порою очень тяжело было понять, где кончается служба микадо⁴ и начинается «партизанщина», как ее поначалу окрестили в Особом Делопроизводстве.

Однако, как показало время, задачи и средства у этой «любительской разведки» были отнюдь не шуточными, и в те дни Луневу пришлось столкнуться с этим печальным фактом лицом к лицу.

Одной из первых задач, которые ставил перед собой «Черный океан», был подрыв внутренних устоев России. С этой целью были выделены немалые суммы для устройства широкой смуты и вооруженных мятежей в столице и губернских центрах. Особое внимание здесь уделялось кавказским, финским и польским «союзникам» Японии. Сюда, как и в Санкт-Петербург, предполагалось доставить крупные партии оружия и боеприпасов для тех, кто будет сражаться против «кровавого самодержавия».

Отслеживая работу завербованного людьми «Черного океана» социалиста Деканози, Лунев тогда обнаружил закупки оружия в Бельгии и Швейцарии. Здесь для нужд грядущей революции было приобретено 25 тысяч винтовок «виттерли» и свыше четырех миллионов патронов к ним. Еще одна партия «японских подарков» сыскалась в Гамбурге. Здесь речь шла о трех тысячах револьверов системы «Веблей».

К счастью, почти с самого начала операция японских «друзей революции» шла под контролем российских контрразведчиков и большую часть оружия, удалось перехватить до того, как оно попало в страну. И все же немало винтовок и револьверов, стрелявших с баррикад десять лет назад, каждым своим залпом воздавали хвалу микадо.

В дни, когда разворачивалась эта тайная война, капитану Генерального штаба Луневу и довелось свести знакомство с чрезвычайно милым хозяином книжного магазина на улице Жуковского – Сабуро Мияги. Его небольшой, но весьма уютный магазин был воистину оазисом покоя в вечно шумной столице. Устроенный в восточном вкусе, он поражал воображение посетителя огромными веерами, изысканными миниатюрами с изящными ветвями сакуры, грозными самураями и утонченными гейшами, с заснеженными склонами величественной горы Фудзи, на вершину которой ведут тысячи дорог.

Здесь всегда можно было купить или заказать книгу, выпущенную в Лондоне, Берлине, Париже и еще бог весть где. Модные журналы появлялись здесь едва не в тот же день, что и в европейских столицах, впрочем, как и научные труды именитейших европейских академий. Постоянному клиенту здесь всегда могли предложить чашечку зеленого чая с крошечным пирожным редкой красоты и вкуса и удобное кресло за ширмой для чтения свежих газет. Чай с соблюдением всех изысканных тонкостей японского этикета готовил сам хозяин магазина. А рядом с домом милейший Сабуро Мияги снимал небольшой зал, в котором находилось общество любителей японской гимнастики джиу-джитсу, весьма популярное у господ офицеров.

И всем хорош был бы любезный хозяин книжной лавки, когда б не был он резидентом японской разведки и одним из руководителей «Черного океана». Разработка его велась долго и тщательно. Лунев порой по несколько суток не смыкал глаз, отслеживая тайную жизнь книготорговца. Его связи были столь обширны, что простое их перечисление заняло целый том. Здесь были и студенты радикальных взглядов, и социалисты всех мастей, офицеры, купцы, чиновники, и так далее, и так далее.

Японский резидент вел себя абсолютно спокойно, как будто и не подозревая, что за ним ведется круглосуточное наблюдение, а потом вдруг исчез. Утром посетители, зайдя в магазин,

⁴ Микадо – титул японского императора.

обнаружили там нового хозяина, любезно сообщившего, что он купил дело еще неделю назад и где прежний хозяин, представления не имеет. Поиски сгинувшего японца ничего не дали, он точно растворился. Хотя, казалось бы, возможно ли исчезнуть японцу незаметно в Петербурге?!

Это был один из самых болезненных провалов в карьере Платона Аристарховича. И хотя в целом операция могла считаться успешной, побег Сабура Мияги оставался для него личной пощечиной.

Каково же было удивление капитана Лунева, когда почти год спустя ему доложили, что некий конный разъезд из корпуса генерала Мищенко, совершая в Маньчжурии свободный поиск, захватил в плен полковника японского Генерального штаба Сабура Мияги. Правда, увы, полного триумфа не получилось: еще по пути в штаб армии пленник умудрился отравить себя и скончался в муках, не приходя в сознание в помещении склада, где в ту пору размещалась армейская контрразведка. Но это было позже. А вот охотничью команду тогда и впрямь возглавлял штабс-капитан Приамурского драгунского полка Михаил Чарновский!

«Вот как пересеклись пути-дорожки!»

– Да-а! – протянул Лунев. – Что и говорить, неожиданная встреча. Воистину тесен мир!

Платон Аристархович положил карандаш на столешницу и, придерживая его пальцем, начал катать из стороны в сторону.

– А сейчас, насколько я понимаю, сей доблестный офицер на фронт не рвется. – Лунев вопросительно поглядел на архивиста.

– Похоже, что так, – согласился его собеседник. – У него, правда, тогда еще, десять лет назад случилось ранение и контузия. Вот, стало быть, по этой самой контузии он при Главной Инспекции Кавалерии и числится как ограниченно годный.

– Занятно, весьма занятно. – Контрразведчик потер виски. – Что ж, быть может, после ранения юношеское его геройство улетучилось. Вон, говорят, великий князь Кирилл Владимирович после чудесного спасения при взрыве на линкоре «Петропавловск» и донине на море без содрогания глядеть не в силах.

– Может, и так, Платон Аристархович, – пожал плечами Снурре. – Кому то ведомо?

– Кстати, о великих князьях. Вы, часом, не помните, наш бравый ротмистр в инспекцию кавалерии был зачислен при великом князе Николае Николаевиче или же позднее?

– Как же так вдруг не помню? – обиделся Снурре. – Конечно, помню. Аккурат после госпиталя вот под это самое число десять лет назад штабс-капитан Чарновский был переведен штаб-ротмистром в конногвардейский полк и зачислен адъютантом к великому князю Николаю Николаевичу.

– Вот оно что?! – медленно, точно выталкивая каждое слово, проговорил Лунев. – Как интересно!

– Да-да, – быстро закивал Снурре, радуясь, что сообщил начальству некую важную информацию. – Он у его высочества все эти годы любимцем ходил, а и то сказать, сходного у них в характерах немало, оба наездники, оба охотники, оба рубаки отчаянные. К тому же с тех виноградников, которые господину Чарновскому от деда отошли, преотменное вино получается. Он его Николаю Николаевичу в подарок всякий день присылал, а великий князь-то не дурак по этому делу.

А в том году 3 июня его высочество господина ротмистра перевел фехтовально-гимнастической школой заведовать. На самом-то деле ее старичок полковник Свищов возглавляет, ну да он всегда болен, так что все дела за него Чарновский ведет. Вот так-с! – Этим высказыванием Христиан Густавович обычно заканчивал свои повествования, за что и получил среди коллег еще одно прозвище «Вот такс». Однако на него коллежский ассессор жутко обижался, да и не был он нисколечко похож на таксу.

– Угу, – делая отметку в послужном списке фехтмейстера, кивнул Лунев. – Вот ведь какой курьез в деле есть: гляжу я на даты, и так выходит, что у господина ротмистра особое предчувствие имеется. В прошлую войну Мишель Чарновский приехал из Парижа чуть загодя, только чтоб успеть чин офицерский получить, а в этот раз также чуть загодя от Николая Николаевича в эту самую школу перешел. Будто знал он и теперь, и прежде, когда война начнется, и о том, что государь, вопреки обычаю, великого князя Верховным главнокомандующим делает. Может, конечно, и случайность, а может статься, что и нет. Неведомо в департаменте, не было ли разладов между лихим адъютантом и его патроном?

– По всему выходит, что нет. А то стал бы его высочество просить Чарновского во время своего отсутствия в Петрограде всю корреспонденцию, на его имя приходящую, перебирать и в Ставку с курьером пересылать.

– А он это сделал? – боясь, что ослышался, переспросил Платон Аристархович.

– Так точно, – отрапортовал Снурре и всплеснул коротенькими ручками. – Нешто Чарновский – шпион?

– Кто знает, кто знает, – с силой промолвил Лунев, едва размыкая губы, словно пытаюсь остудить накаленную его размышлениями атмосферу. – Как говорится, всякий поляк в России – уже на треть шпион. А у этого еще и отец из ссыльных. В общем, ротмистра сего днем и ночью наблюдать неотступно! Все, что обнаружится, докладывать лично мне!

– Уже делается. – Снурре подскочил на месте от внезапной перемены любезного тона Лунева на командный.

– А кстати, отчего? – спохватываясь, что так и не выяснил причину полицейского надзора за бывшим адъютантом прежнего командующего гвардией и петербургским гарнизоном, осведомился контрразведчик.

– Так ведь он же масон! Мастер ложи, именуемой «Чаша Святого Иоанна». А за всеми масонами, в Российской империи обретающимися, велено приглядывать.

– Ну прямо напасть какая-то! – Лунев раздраженно стукнул по столу ладонью. – Вот только вольных каменщиков нам здесь не хватало!

Жандармский поручик возник перед Лаис с той скоростью, с какой в руках шулера появляется козырный валет вместо унылой шестерки. Синий мундир сидел на нем, как влитой, гармонировав с синевой глаз так, будто именно по этому цвету поручик выбирал себе род службы.

– Сударыня, позвольте вам отрекомендоваться, – приятным вкрадчивым баритоном заговорил офицер. – Поручик Вышеславцев Алексей Иванович. Мне приказано заниматься вашим делом. Прошу вас простить, если мои люди были с вами грубы, им мерещится шпион в каждом иностранце. Даже в такой восхитительной даме, как вы.

– Господин поручик, я не нуждаюсь в ваших комплиментах! – напуская на себя холодную надменность, проговорила Лаис. – Потрудитесь объяснить, что здесь происходит!

– Разбой, сударыня. – Вышеславцев развел руками. – Сами понимаете, времена нынче беспокойные, нечисти всякой много развелось. Совсем безобразники обнаглели! В двух шагах от царского дворца уже промышляют! Впрочем, вам еще повезло. Благодарите Бога, что у вас управляющий таким хватом оказался.

– Да что ж тут стряслось-то?!

– Это пожалуйста! – Жандарм приосанился и начал декламировать, точно читая протокол. – Вскоре после наступления темноты, достоверно по времени никто сказать не может, трое неизвестных, воспользовавшись тем, что кухарка Дарья Гаврилова, из петроградских мещан, выходила черным ходом во двор, ворвались в квартиру венгерской дворянки Эстер Лаис, по паспорту – Лаис Эстерхази, именуемой здесь также Ларисой Львовной, и, под угрозой расправы заперев прислугу в одной из комнат, принялись грабить апартаменты вышеозначенной госпожи Эстер. В это же время дворецкий вышеозначенной госпожи, Конрад Шульцце, из пет-

роградских почетных граждан, смог, пробравшись через окно на балкон, проникнуть в рыцарскую залу и, сорвавши со стены висевшую там алебарду, набросился на разбойников. По его словам, двоих из трех он ранил, о чем свидетельствует кровь на алебарде, полу и ступенях лестницы. Вследствие чего разбойники, потеряв на месте преступления кинжал, обратились в бегство. Вот, пожалуйста, кинжал. – Вышеславцев оглянулся и рукой, затянутой в нитяную перчатку, взял со стола оружие с широким лезвием и рукоятью из темного дерева. – Вот, в общих словах, и все.

Он повертел обнаруженное на месте преступления оружие перед глазами Лаис. Та смотрела на него, не отрываясь, чувствуя, как холодеет у нее внутри, точно вдруг студеная зима Петрограда поселилась в ее пылкой душе.

– Налетчики, вероятно, полагали, что коль скоро вы не российская подданная, то это разбойное нападение сойдет им с рук. Но закон для нас превыше всего! А теперь, сударыня, я прошу вас внимательно посмотреть, что из вещей и драгоценностей было похищено. Что с вами, Лариса Львовна?! Вам плохо?

Глава 4

*Золотая рыбка на сковородке выполняет куда больше желаний,
чем в синем море.*

Жак-Ив Кусто

Чуть свет в квартиру Лунева на Садовой явился сотник Холост с сообщением, что нынче же там будет установлен телефон, а в здании Главного штаба для его высокоблагородия и его группы уже выделен кабинет. Как утверждал атаманец, для этого пришлось выслать на фронт одного полного генерала, и кабинет был бы готов еще ранее, когда б не одна загвоздка – подыскать место в действующей армии, где бы оный военачальник причинил наименьший вред. Так что после утреннего чая пятиметровый «делоне-бельвилль», посреди бела дня сияя всеми тремя включенными фарами, промчал по Невскому и остановился у самой арки штаба аккуратно перед решеткой высоких чугунных ворот. Из окон нового кабинета виделась знаменитая колонна и панорама Зимнего дворца – главной резиденции государя, в которой, как говаривали, он не появлялся с того рокового сентябрьского дня, когда выступал с балкона перед охваченной всеобщим яростным порывом толпой.

– «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», – пробормотал Лунев, глядя на маячивший за окном Александрийский столп. Великая победа над грозным Бонапартом казалась сейчас далекой и едва ли не баснословной. А ведь и всего-то сто лет прошло. Занятно, какие-то у этой войны памятники будут? Но полноте! Платон Аристархович резко повернулся и отошел от окна. – К делу! Итак – заговор!

Если неустановленный покуда Фехтмейстер не блефует, в авантюру втянуты некоторые великие князья. Как минимум один. Это звучит обескураживающе, но если отбросить эмоции, в таком участии нет ничего странного. Не было в России случая, чтобы дворцовые перевороты обходились без особ из самого ближнего к престолу круга. Воистину, предают только свои!

Легче всего было бы представить на месте сановного заговорщика брата императора – великого князя Михаила Александровича. Он слывет известным либералом, да и на государя ему есть за что обижаться. Женитьба на разведенной, да к тому же и бывшей супруге однополчанина, да еще и отнюдь не царских кровей, в свое время поставила великого князя в ряд отверженных. Изгнание, скитание по Европе почти без средств к существованию... Лишь начало войны заставило императора сменить гнев на милость и позволить брату вернуться на родину.

Ни дать ни взять – герой бульварного романа. По мнению возбужденных романтическими бреднями умов, такой легко может пойти на мятеж для того, чтобы восстановить справедливость и покарать жестокого тирана. Сейчас под рукой великого князя Михаила Дикая дивизия. Горцы, сражающиеся в ней, преданы командиру не менее, чем Заурбек лично ему. Но Дикая дивизия на фронте, государь не слишком подходит на роль кровавого деспота, к тому же великий князь, как говорят, вовсе не склонен к мстительности.

Хотя все это пока лишь умозрительные построения, и сбрасывать со счетов великого князя Михаила нельзя.

Следом за родным братом государя можно предположить двоюродного, Кирилла Владимировича. Он нынче командует морскими батальонами, и у него тоже есть причина не жаловать кузена. Вернее, даже не его, а его супругу, государыню императрицу. Как-никак, жена Кирилла Владимировича первым браком была за родным братом ее императорского величества. И рассталась они из-за любви одного брата к мальчикам. Скандал был громким.

При мысли о супруге великого князя Кирилла Владимировича Луневу вдруг снова вспомнилась его недавняя спутница, загадочная Лаис Эстер. Он резко мотнул головой, отгоняя появившийся образ.

– Может, того, коньяку? – по-своему расценивая поведение начальства, участливо предложил Холост, скучавший в ожидании распоряжений.

– Законы нарушаете, сотник?

– Никак нет, ваше высокоблагородие, – с насмешливой рьяностью выпалил казак, – безжалостно изничтожая врага Отечества.

Он достал из нагрудного кармана щеголеватого кителя серебряную плоскую флягу и потряс ею возле уха.

– Враг наглухо блокирован, но еще держится. У него хорошая выдержка.

– Ну, полноте, – оборвал красная полковник. – Лучше спрячьте, и сделаем вид, что вы ничего не говорили, а я ничего не слышал.

– Как прикажете, придется в одиночку врага одолевать.

«Если бы так просто было одолевать врага! – чуть заметно ухмыльнулся Лунев. – Впрочем, что ему, казаку? Указали: скачи вон туда, руби вон тех, и вперед – „Ура! Ура! Шашки наголо!“ А здесь поди найди еще, кто Отечеству и государю злейший враг. Мундиры на всех одной армии и на словах всякий царю – нерушимая опора и за то многократно высочайшими наградами жалован.

Вон те же, к примеру, ближайшие родичи его императорского величества – куда ни кинь, у всякого обида. У кого на самого Николая, у кого на императрицу, Александру Федоровну. А пуще всех на Старца злокозненного, Гришку Распутина – вот уж точно чертов кум! Заморочил голову императрице, теперь сладу с образиной тобольской нет. На что уж, кажется, супруга великого князя Николая Николаевича с государыней близка была. Когда та хворала, собственноручно ее выхаживала. Почитай, с того света вернула. А стоило против зловредного шарлатана слово молвить – и все, прочь с глаз.

Стало быть, и у великого князя Николая Николаевича, нынешнего Верховного главнокомандующего, есть личная причина недолюбливать венценосного племянника. Да что тут сказать, среди тех, кто ближе всего к трону стоит, мало сыщется государевых доброжелателей.

И все же сам этот факт не означает, что кто-либо из великих князей действительно замешан в заговоре. Но, увы, поводов думать иначе пока также нет.

За долгие годы службы Платон Аристархович Лунев пришел к неутешительному выводу, что о людях изначально следует думать плохо, и затем радоваться всякий раз, когда подозрения выйдут ошибочными. Сейчас не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы осознавать реальность проступающего в письме Фехтмейстера заговора: имелась причина – общее недовольство царского окружения правлением императора Николая II. Имелся повод – пассивность и нерешительность государя в нынешней войне. Если вспомнить войну прошедшую, русско-японскую, такая нерешительность может дорого стоить империи. А тут еще слушок, будто бы и сама императрица, в девичестве – Гессен-Дармштадтская принцесса, работает на руку кайзеру Вильгельму... Слух этот, возможно, сами немцы и пустили, но в русских умах и, что печальнее, в сердцах он нашел самый радушный прием.

Есть и возможность действовать жестко. Даже если не брать в расчет дядю императора, великого князя Николая Николаевича, под рукой которого вся армия и флот, то одних только морских батальонов может с лихвой хватить, чтобы отстранить Николая II от власти. Сколько раз судьба России диктовалась парой гвардейских полков?! Ежели не считать пустозвонов-декабристов, все прочие военные перевороты удавались с блеском.

Итак, вполне можно предположить, что среди придворной знати, чинов гвардии, а возможно, и Генерального штаба действительно имеется заговор «патриотического толка», так сказать, «за сильную Россию против мракобесов-христопродавцев и засилья немецких шпионов».

Самое забавное, или уж мерзкое, – как посмотреть, что, возможно, как раз те самые немецкие шпионы заговором и дирижируют. Шутка ли, в самый разгар войны в сражающемся

государстве сместить законного правителя! Но вопрос остается, как и прежде, открытым: впрямь ли существует вышеуказанный заговор? Или же он лишь плод беллетристической фантазии неведомого еще Фехтмейстера?»

– Ваше высокоблагородие, – окликнул задумчиво глядящего в окно Лунева атаманец. – К вам тут колобок прикатился.

– Какой еще колобок? – Контрразведчик озадаченно поглядел на стоявшего у дверей помощника.

– Какой-какой, полицейский! Без свистка, но в пенсне.

– А, Снурре, – хмыкнул Лунев.

– Он самый. Снип-Снап-Снурре-Люре-Базелюре.

– Да прекратите вы, наконец!

– А шо я? Я ж так, для беглости мысли.

Холост открыл дверь кабинета, впуская гостя. Коллежский ассессор Снурре и впрямь напоминал известного героя детской сказки. Христиан Густавович метнул недовольный взгляд из-за стекол золотистого пенсне на атаманца. Однако тот сделал вид столь насмешливо серьезный, что привыкший к порядку чиновник лишь недовольно хмыкнул и покачал головой.

– Здесь все как вы просили, Платон Аристархович, – стараясь придать солидность дребезжащему голосу, проговорил Снурре. – В этой папке сведения о деятельности социалистов-революционеров. Здесь социал-демократы, в первую очередь большевистская фракция. Тут, – он положил очередное дело, – анархисты. Вот здесь, извольте видеть, сепаратисты. Тут очень обще: и финны, и поляки, и кавказцы. Если пожелаете, можно по каждому из них отдельно материал предоставить, так сказать, поприцельнее. Вот так-с! – Полицейский слегка поправил сползающее пенсне. – И вот еще. Вы намеренно просили собрать материал о госпоже Лаис Эстер.

– Уже готово? – Лунев наугад открыл одну из папок и углубился в чтение, чтобы не выдать взглядом свою заинтересованность. Не то чтобы он всерьез полагал обнаружить причастность к дворцовому заговору господ социалистов, но полностью отбрасывать этих возмутителей державного спокойствия считал преждевременным. Успокаивало одно: сии товарищи и граждане желали коренных перемен, а вовсе не смены власти внутри довольно узкого круга царской династии. Конечно, устройство заговора могло стать одним из этапов многоходовой комбинации. Но, как показывает практика, подобные каверзы отнюдь не в стиле «борцов за всенародное счастье».

– К вечеру я вам доставлю полную информацию по интересующей вас особе, – между тем продолжал чиновник. – А сейчас вот. – Он протянул Луневу свежий выпуск «Петроградских ведомостей».

«Злодейское ограбление на Большой Морской», – гласил отчеркнутый заголовок одной из статей. – Вчера ввечеру было совершено злодейское ограбление в квартире известной хозяйки спиритического салона госпожи Эстер. Мадемуазель Лаис Эстер, известная светская красавица и добрая знакомая многих влиятельных особ, в том числе близкая подруга великих княгинь Анастасии Николаевны и Ксении Александровны, по возвращении домой застала свою квартиру перевернутой вверх дном. Неизвестные ворвались в дом и, заперев прислугу в одной из комнат, принялись обшаривать его в поисках денег и драгоценностей. Лишь благодаря небывалой храбрости и ловкости дворецкого ее милости, господина Шультце, разбойников удалось изгнать. Они бежали несолоно хлебавши. Жандармерия разыскивает троих злоумышленников, совершивших налет на квартиру госпожи Эстер. Как сообщается, среди негодаев один, а то и двое ранены».

– Вот даже как? – Лунев отложил газету. – Занятно. А отчего, скажите на милость, этим делом вдруг занимается жандармерия, а не сыскная полиция?

Снурре вновь поправил сползающее пенсне.

– Госпожа Эстер, сами изволите понять, дамочка непростая. К тому же не российская подданная.

– Резонно, – согласился контрразведчик. Он еще раз пробежал глазами текст заметки. – Да, случай, однако, редкий! Что ж там за дворецкий, который эдак взял да в одиночку разбросал троих налетчиков?

– Господин Шульце, – как ни в чем не бывало напомнил полицейский чиновник, – если не ошибаюсь, это родной брат Артура Шульце.

– Того самого? – Лунев поднял на архивиста удивленные глаза.

– Если не ошибаюсь, – еще раз, точно набивая себе цену, ответил Снурре.

– А вы, как обычно, не ошибаетесь.

– Прежде не случалось, – довольный похвалой, подтвердил коллежский асессор. – Вот так-с.

– Сотник, – Лунев повернулся к ожидавшему у дверей атаманцу, – заводи свой экипаж, мы едем на Большую Морскую.

Если бы среднего жителя Петрограда, не говоря уже о прочих подданных империи, спросить, кто таков Артур Шульце, большинство бы, не утруждаясь напрягать память, пожало плечами. Кое-кто стал бы вспоминать обладателя этой незамысловатой немецкой фамилии меж своих знакомых. И это при том, что плоды его своеобразного искусства они, вероятно, держали в руках, и не по разу. Господин Шульце был необычайно скромен. Во всем, что касалось его неслужебных дел, он старательно избегал славы. Однако, невзирая на его ухищрения, тем, кто волею судеб и государя имел отношение к тайной войне или же попросту к уголовному сыску, эти имя и фамилия говорили немало.

Этот приятный в обращении уроженец Лифляндии сделал недурственную карьеру в российском монетном ведомстве и был вхож как в аристократический, так и деловой высший свет Санкт-Петербурга. Какое же горькое похмелье ожидало и тех и других, когда вдруг сей завсегдатай светских раутов и литературных салонов исчез из Петербурга и появился в Вене, да еще не просто так, а с ценным грузом. Среди рубашек, галстуков и костюмов в чемоданах Артура Шульце обнаружили пластины для печати десяти-, двадцати пяти-, пятидесяти- и сторублевых купюр. В скорости «шульцевки» наводнили приграничные губернии, Москву и Санкт-Петербург. Особенно много их оказалось именно в столице. Впрочем, кто знает, отличить фальшивки мог лишь эксперт. Бумага на купюрах была чуть иная, нежели у оригинала.

Мелькнув в Вене, Артур Шульце исчез, как в воду канул. Но, как можно было понять, с началом войны правительство Франца-Иосифа предложило беглому чиновнику наладить выпуск русских денег в максимально возможных количествах. Луневу доводилось встречать «шульцевки» и среди вещей убитых турецких офицеров, и в описи бумаг, обнаруженных при разгроме германского посольства. Счет здесь шел уже не на тысячи, а на миллионы рублей.

И вдруг на тебе, родной брат Артура Шульце живет и благоденствует здесь же, в Петрограде, под крылом весьма странной госпожи Лаис Эстер, подруги великих княгинь, а возможно, что греха таить, и их мужей, подданной императора Франца-Иосифа!

Разглядывая мелькавшие за окнами дома, Лунев вздохнул про себя, отмечая этот неприятный факт.

Конечно, «впоследствии не значит вследствие», и все, что он себе понапридумывал, может быть лишь чудовищной цепью совпадений. «А если нет? Если все же не совпадение? Лаис сама говорила, что ее брат – адъютант императора Австро-Венгрии, положил ей щедрое содержание. Не „шульцевками“ ли он ей выплачивает?»

Платон Аристархович поймал себя на мысли, что очень не хочет, чтобы госпожа Эстер была замешана в этом неприятном деле. «В конце концов, будь она и впрямь шпионкой, стала бы рассказывать о своем брате? Да и Конрад Шульце, когда бы он был шпионом, что бы ему стоило сменить паспорт и называться любой иной фамилией? Какие-то нелепости.

– Большая Морская, ваше высокоблагородие, дом адмиральши фон Граббе. – Сотник повернулся к своему начальнику. – Прикажете оставаться или с вами идти?

Поручик Вышеславцев любил производить впечатление на женщин. Сейчас, когда великое множество гвардейских офицеров, бывших для молодого жандарма естественными соперниками, сражались на фронтах, он чувствовал вкус неожиданной удачи и спешил воспользоваться ею как можно полнее. Правда, до сего дня ему не доводилось залетать столь высоко, но тем не менее он успокаивал себя мыслью о том, что знатная иностранка – всего лишь женщина, и стало быть, ей не устоять против такого обходительного кавалера, как он.

Вчера он лишь начал разговор с этой точно сошедшей с картинки модного журнала красавицей, когда вид предъявленного ей оружия вызвал у несчастной глубокий обморок. Сочтя благоразумным не дожидаться ее возвращения в чувство, поручик оставил караул у входа в квартиру и отбыл с отчетом, чтобы утром продолжить сие довольно пикантное, но все же незатейливое дело.

Теперь он ходил взад-вперед перед сидящей в глубоком кресле Лаис, демонстрируя статную фигуру и недюжинную мыслительную способность.

– ...Итак, почтеннейшая Лариса Львовна, прошу вас еще раз сосредоточиться и ответить, что пропало в вашей квартире.

– Ничего, – на свой приятный, несколько забавный иностранный манер проговорила Лаис.

– Так-таки ничего?

– Ничего, – вновь кратко ответствовала пострадавшая.

Подобное заявление несколько обескуражило жандарма. Ночью в кровати он ворочался, представляя, как, одолев в жаркой схватке отчаянных налетчиков, вернет иноземной красавице похищенные сокровища, а та в благодарность тут же бросится ему на шею, чтобы стать поручику страстной и нежной любовницей. Дальнейшее Вышеславцеву представлялось и вовсе в радужных тонах: богатство, связи, место при дворе – словом, все то, чего у него никогда не было, – сыпалось, как из рога изобилия. И вдруг это самое «ничего».

– Хм, – начал было он, – возможно, вы еще просто не успели все просмотреть. Вчера здесь был такой переполох, что немудрено упустить из виду что-либо весьма ценное. Постарайтесь успокоиться, взгляните повнимательнее.

– О нет, все на месте.

– Однако посудите сами, преступники имели достаточно времени, чтобы перевернуть здесь все вверх дном. И тем не менее, как вы утверждаете, ничего не взяли.

– Выходит так, – согласилась светская дама с видом скупающего равнодушия на задумчивом лице.

«Гордячка, – подумал Вышеславцев. – И все же я заставлю тебя броситься мне на шею!»

– И вы не находите такое положение странным?

– Быть может. – Лаис пожала плечами. – Я не сильна в нравах и обычаях разбойного мира. Дверь комнаты резко открылась.

– Ваше благородие, тут к ва...

– Да шо ты квакаешь, голуба? – Оставленный у дверей жандарм как-то вдруг исчез из виду, и тот же насмешливый голос продолжал из коридора: – На вот, лучше шинелки повесь.

Вышеславцев собрался было уж возмутиться столь непочтительным отношением к стражам трона, но тут в дверном проеме возник невысокий крепыш в полковничьем мундире с флигель-адъютантскими аксельбантами.

– Чем обязан? – стараясь напустить на себя побольше важности, произнес жандарм.

– Да буквально всем, – из-за спины полковника появился худощавый атаманец. – Разве шо жизнь мотузяную тебе папаша с мамашей склепали.

– Да!.. – попробовал было возмутиться жандармский поручик.
– Извольте представиться! – не вступая в нелепую перепалку, оборвал его полковник.
– Поручик Вышеславцев, Алексей Иванович! – как-то на ходу теряя гоно́р, отрекомендовался представитель власти. – Мне приказано вести расследование...

– Приказ отменяется, – глядя на жандарма пристальным буравящим взглядом, отрезал полковник. – Вплоть до нового распоряжения вы поступаете под мое начало.

– Но на каком основании?

– Ознакомьтесь. – Флигель-адъютант протянул ошеломленному поручику распоряжение, подписанное генералом Джунковским. – И потрудитесь больше не задавать вопросов.

– Как прикажете! – Вышеславцев щелкнул каблуками, и шпоры его тенькнули жалобным звоном.

– Вот так-то лучше. Сходите-ка побеседуйте с героем вчерашней схватки. Подробнейшим образом запишите все детали происшедшего, а заодно и выясните, где это господин дворецкий научился столь ловко управляться с оружием.

Дверь за Вышеславцевым затворилась. Проклиная в глубине души невесть откуда взявшегося полковника и злополучный приказ, дающий во власть неведомого господина Лунева всех тех, кто ему будет нужен, Алексей Иванович отправился беседовать с вышеуказанным Конрадом Шульце. Он не хотел себе признаваться, но герой вчерашней ночи ему не слишком нравился. Его бы, пожалуй, больше устроило, окажись этому чухонцу, как он про себя уже окрестил дворецкого, лет эдак на пятнадцать больше. Тот и впрямь был чересчур моложав и, как показало вчерашнее происшествие, годен не только для управления домашним хозяйством и проведения званных приемов. А ведь это подозрительно. А что, если он любовник госпожи Эстер? Подобная деталь ничего не прибавляла к расследованию дела, но заставила поручика еще больше невзлюбить господина Шульце.

«Ничего, я тебя выведу на чистую воду», – процедил он, грозя для убедительности кулаком невидимому обидчику.

Лаис вскочила с кресла, едва не бросаясь в объятия Лунева.

– О, господин полковник, как я рада! Я знала! Я точно знала, что вы приедете спасать меня.

– Вы знали? – Платон Аристархович от неожиданности даже чуть отстранился.

– Я же говорила, нити наших судеб накрепко переплетены. Вы примчались мне на помощь. Поверьте, мне действительно угрожает страшная опасность!

– Погодите, погодите, – прервал излияния прелестницы Лунев. – О чем вы говорите? Какая опасность.

– Я узнала нож. Вчера Конрад выбил у одного из них оружие.

– И что же?

– Это оружие нотеров! Я прекрасно знаю его! Таким кинжалом был убит мой отец. Они отыскиали меня даже здесь! – в отчаянии едва не кричала Лаис. – Это нотеры, стражи ковчега! Хранители тайного храма прародительницы Эстер!

– Но, Господи, что им от вас нужно?

– Им нужно то, что принадлежит им по праву, – едва не рыдая, вымолвила женщина. – Они желают вернуть похищенное из храма Лайошем Эстерхази.

– Что ж, это резонно. – Лунев пожал плечами. – Как бы я ни относился к вашему покойному батюшке, брать чужое – дурно. И для всех было бы лучше, если б вы и впрямь вернули похищенное этим людям.

– Вы ничего, совсем ничего не поняли, – всхлипнула Лаис. – Если я не верну похищенного, эти люди будут преследовать меня до любого предела этого мира, но я буду жива! Потому что им нужно сокровище, в недобрый час похищенное моим отцом. Если же я отдам то, что

принадлежит им по древнему завету, меня попросту уничтожат как отступницу, которая слишком много знает и умеет.

– Ну просто какой-то Эдгар По, – пробормотал Лунев. – «Золотой жук» и все такое.

– Да поверьте, поверьте же мне! – уже не скрывая своих чувств, воскликнула Лаис. – Я говорю вам правду! – Она сжимала маленькие кулачки и потрясала ими в воздухе с такой страстью, будто держала в каждой по вязанке молний. – И помните, – госпожа Эстер вдруг остановилась и поглядела на полковника с полным и напористым осознанием собственной правоты, – без моей правды ваша не будет стоять ничего!

– Что за ерунда? – поморщился Лунев, но убежденность, с которой были произнесены слова госпожи Эстер, вдруг породили в нем сомнение, дотоле немыслимое.

«А что, если вдруг и впрямь существуют чудеса, неподвластные логике и научному осмыслению? Почему вдруг не может существовать банда фанатиков-башибузуков, которые охотятся за тем, что они считают неким священным талисманом, а потому готовы грабить и убивать, не считаясь ни с чем. Ведь убили же в Каире старого князя Эстерхази. Впрочем, кто знает, они или нет?»

– Что ж, давайте все по порядку...

Он не успел закончить свою мысль. Дверь распахнулась, и в нее втиснулась весьма примечательная парочка. Со стороны могло показаться, что огромного роста офицер-конногвардеец нежно ведет под руку внушительного вида жандарма, а жандарм при этом, закусив губу, вероятно от страсти, тянется на цыпочках, стараясь оказаться вровень со своим партнером.

– Лаис, душа моя, что здесь происходит? – с порога раскатисто пророкотал конногвардеец.

– Это я желаю знать, что здесь происходит? – поворачиваясь, рявкнул Лунев.

– Прошу прощения, господин полковник. – Новый гость отпустил взятое на излом запястье жандарма, и тот, как-то сразу обмякнув, начал растирать пострадавший сустав. – Разрешите представиться, ротмистр Чарновский!

Глава 5

*Любовь движет горы, оставляя на их месте великое множество
каменей преткновения.
Джуакомо Казанова*

Император шел, расстегнув шинель, не обращая внимания на то и дело срывающийся резкий ветер. День выдался солнечным и морозным. Но сейчас холод почти не чувствовался, только скрипевший под ногами снег напоминал о буйном нраве русской зимы.

– А вот скажи, Сандро, – Николай II повернулся к шедшему чуть позади него мужчине средних лет в ментике лейб-гвардии гусарского полка, – как по-твоему, в чем есть счастье российское?

– Процветание под твоим мудрым правлением, Ники! – не впадая в долгие раздумья, отчеканил тот, кого государь именовал Сандро.

Николай чуть заметно улыбнулся и покачал головой.

– Сандро, дорогой мой, к чему это пустословие?

Александр Георгиевич, герцог Лейхтенбергский, или, как его называли в семейном кругу, Сандро, был в родстве с императором. Правда, не слишком близком, но это только укрепляло их дружеские отношения. С начала войны он состоял при командующем Северо-Западным фронтом и лишь нынче утром прибыл в Царское Село со срочным пакетом.

Государь и гусар остановились возле памятника у входа в лицей.

– «Все те же мы, – прочувствованно вымолвил Николай II. – Нам целый мир – чужбина. Отечество нам – Царское Село». Как не согласиться с гением? Здесь, только здесь я чувствую себя истинно дома. Когда б не императорский долг... Но, увы, Сандро, сей жребий завещан роду моему от века до века. Россия подобна тем самым красавцам-скакунам, которых поставил на Аничковом мосту великий Клодт – та же сила, мощь, та же необузданность. Россия, друг мой, – стихия, стихия неукротимая, подобная урагану. Не человеческому велению, но лишь божьему промыслу по силам совладать с ней.

Что я?! Лишь человек! Всякий мастеровой думает и страдает не менее, а может, и поболее моего. Но разве мастеровому нужно процветание России? Разве заботит его, как станут говорить о его Отечестве за каким-нибудь океаном? Отнюдь нет. Ему бы щи погуще да мед послаще. Есть крыша над головой – и славно. Но попробуй на его кус посягни – вмиг шум пойдет: какой царь злой и как бедного труженика в дугу гнет.

– Но ведь факт, Ники, что при тебе страна богаче стала, и народ воспрял.

– Все так, Сандро. Да только радости в том нет ни мне, ни народу. Ведь настоящую смуту затевают не тогда, когда все из рук вон плохо. Тут от тоски и отчаяния за топоры да вилы хватаются или молят о снисхождении. А вот когда представляется, что знаешь, как будет еще лучше, вот тогда-то революции и свершаются.

– Ты нынче печален, Ники.

– Да, немного. Вот гляжу на памятник и думаю о несправедливости, сознанием народным государям причиняемой. Предок мой, Николай Павлович злокозненного убийцу гения нашего, лишив всех чинов и прав состояния, из страны изгнал. Все долги Александра Сергеевича из своего кармана оплатил. Уж молчу о том, что и семьи-то наши со временем породнились. А все едино. Дантеса царь подослал, чтобы вольнолюбивого пиита убить. – Николай II печально развел руками. – Нет, Сандро, нелегко он, крест государев. Но как бы там граф Толстой, Лев Николаевич, в послании своем меня ни поучал, а все же не ему, а мне нести тот крест на Голгофу земной жизни. И ведь что удивительно, всегда находятся безумцы, кои на сию ношу

еще и зарятся. По кусочку, по щепочке растащить хотят! Так, мол, и нести легче, и на дрова сгодится! Нет, не бывать этому!

– О чем ты, Ники?

– Так. Пустое. – Император застегнул пуговицы шинели. – Однако холодает. Пойдем, у меня сейчас будет заседать совет министров, а потом уж и обед.

Лунев оценивающим взглядом смерил фигуру стоящего в дверях ротмистра. При виде его Лаис метнулась было к конногвардейцу, но, перехватив холодный взгляд контрразведчика, застыла на месте.

«На ловца и зверь! – про себя отметил Платон Аристархович. – Интересный, однако, узелок завязывается! По всему выходит, Лаис и господин фехтмейстер – старые знакомые. Может, что и поболее того. Что ж, тогда получается, неспроста госпожа Эстер в царскосельском поезде оказалась, ох неспроста!»

– Что это вы себе позволяете, господин ротмистр? – сурово проговорил Лунев, не спуская глаз с лихого кавалериста. – Вы что же, не ведаете, что посягательство на жандарма, пусть даже и нижнего чина, есть преступление супротив государства?

– Никак нет, господин полковник! – пророкотал Чарновский. – И близко ничего против государства не умышлял. Сей жандарм мною был пойман на мздоимстве и препровожден сюда для сдачи его прямому начальству.

– Что еще за несуразица? – нахмурился Лунев.

– Вот сей червонец, каналья, хотел взять. – В пальцах ротмистра совсем как у фокусника в цирке мелькнула золотая монетка. – На том мною и был изловлен.

– Провоцируете-с, – покачал головой контрразведчик.

– И Господь верных своих на твердость испытывал, – не замедлил с ответом мастер клинка.

Чем дольше Платон Аристархович глядел на рослого красавца, стоящего перед ним, тем лучше понимал великого князя Николая Николаевича, сделавшего его своим адъютантом и любимцем.

Среди прочих великих князей нынешний Верховный главнокомандующий отличался гигантским ростом. Пущенная кем-то в гвардии шутка о том, что Николай Николаевич превосходит Николая Александровича на целую голову, не прибавила императору любви к родному дяде, но, по сути, была истинной правдой. Энергичный храбрый солдат и замечательный наездник, великий князь питал слабость к людям «своей породы». Михаил Чарновский, несомненно, был одним из них. Ростом даже чуть повыше своего патрона, этот конногвардеец был столь же широк в плечах, ловок в седле и, уж конечно, великолепен с оружием в руках. К тому же черты лица его, усы и коротко подстриженная, черная как смоль борода отчего-то неизбежно вызвали в памяти образ великого князя. Не сказать, чтобы он был совсем уж похож на него, и все же определенно имел немалое сходство.

Лунев вполне допускал, что за спиной прежнего инспектора кавалерии могли шептаться, неспроста, мол, Чарновский в таком фаворе, и как бы не оказался он на поверку внебрачным сыном великого князя. Впрочем, кто знает, кто знает?..

– Что вас привело сюда, господин ротмистр? – сурово глядя на нежданного гостя, поинтересовался Лунев.

– Мы с Лаис давние приятели, – не замедлил с ответом ротмистр. – Но позвольте, с кем имею честь?

– Полковник Лунев.

– Лунев, Лунев... – Чарновский наморщил высокое чело. – Погодите-ка, не Платон ли Аристархович?

– Он самый.

– Вот так встреча! – Ротмистр широко улыбнулся и тронул пальцем белый крестик на груди. – Мы же с вами десять лет назад свидеться должны были, а только нынче довелось! Экий же хитрый вольт! Это ж я тогда для вас Миягу изловил! Помните? Отряд генерала Мищенко?

– Сабуро Мияги покончил с собой, – сухо прокомментировал контрразведчик. – Умер прямо в штабе корпуса.

– Да, незадача, – протянул Чарновский. – А я ж тогда как раз в госпиталь угодил! Контузия, знаете ли. Но если вы и впрямь тот самый Лунев, скажите на милость, что это вдруг понадобилось армейской контрразведке в доме у бедной малышки Лаис?

Платон Аристархович смерил говорившего долгим изучающим взглядом. Удивление Чарновского, похоже, было вполне искренним. Хотя, как утверждали в Особом Делопроизводстве, «ложь отличается от истины лишь тем, что слишком на нее похожа».

До сего часа Лунев не очень тревожился о том, чтобы объяснить себе, а уж тем паче кому другому, как он связывает госпожу Лаис с миссией, ему порученной. Ведь не считать же здоровым резонансом к тому выпяченные заявления экзальтированной барышни о том, что их судьбы связаны накрепко и вместе они спасают Россию.

Платон Аристархович верил в свое чутье или, как именовалось сие у собак-ищеек, верхний нюх. Разложить по полочкам такие ощущения было невозможно, однако он был почти уверен, что связь есть! Случай, приведший в ограбленную квартиру госпожи Эстер главного претендента на роль Фехтмейстера, был тому ярким подтверждением. Однако не говорить же вероятному подозреваемому, что по-акулы сжимаешь круги вокруг него?

– Скажите, будьте любезны, почтеннейший...

– Михаил Георгиевич.

– Вам знаком господин Шульце?

– Конрад? – Ротмистр загладил пальцами усы. – Не то чтобы мы были знакомы близко, но он частенько заходит ко мне в зал.

– Вы даете частные уроки?

– О нет. Но Конрад и не нуждается в уроках. Он прекрасно владеет клинком. Ему нужен хороший партнер. Знаете, чтобы рука не теряла легкость.

– Значит, вы утверждаете, что он – отменный фехтовальщик? – переспросил Лунев.

– Именно так, – подтвердил конногвардеец. – Да вы и сами посудите, как он один против троих выступил. Такое, я вам скажу, не каждому по силам.

– Вот и мне это кажется странным. – Платон Аристархович взял в руки листы жандармского протокола, лежащие на столе. – Безвестный мещанин, или, как там, почетный гражданин, и вдруг мастер клинка.

– Мы о Конраде Шульце говорим? – удивленно вскинул брови ротмистр. – Я не путаю?

– Именно так.

– Так какой же он мещанин? Он из лифляндских дворян. Служил по квартирмейстерской части, потом на таможне. Кажется, в отставке, штабс-капитан.

На Лунева вновь ушатом холодной воды навернуло воспоминание о знакомстве в поезде. Штабс-капитан Кронштадтского полка, размахивающий кулаками перед носом у испуганного железнодорожного служащего...

– А кстати, – Лунев подошел к двери, за которой дежурил расторопный сотник, – узнайте-ка, голубчик, как там дела у Вышеславцева.

– Сию минуту, ваше высокоблагородие! – Атаманец сорвался с места.

– Так вы уверены, – оборачиваясь к Чарновскому, продолжил контрразведчик, – что Шульце – не петроградский почетный гражданин?

– Насколько мне известно, все именно так, как я вам уже доложил.

– Весьма занятно. – Лунев сжал переносицу. – Весьма и весьма.

– Да что вам далось его мещанство? – начал бывший адъютант великого князя. Но тут дверь вновь распахнулась, да так резко, что госпожа Лаис, до того безмолвно наблюдавшая за мужской беседой, невольно подскочила в кресле.

– Ваше высокоблагородие! – с порога выпалил вбежавший в комнату Холост. – Там поручик этот жандармский без чувств валяется!

– То есть как это?!

– А вот так, прямо среди пола! А Шульце и след простыл.

Лаис глядела вслед быстро удаляющимся по коридору офицерам со смешанным чувством удивления и тревоги. Происходящее вчера и сегодня основательно выбило ее из привычной колеи. Она чувствовала, как мир ее бурлит новой энергией и новым смыслом, и боялась осознать эти изменения и принять их, как принимают наступление всякого нового дня.

Когда вскоре после своего приезда в Россию на приеме у супруги великого князя Николая Николаевича она встретила красавца-адъютанта его высочества, сердце ее впервые затрепетало, наполняясь чувством, прежде незнакомым. Словно несравненная Вера Холодная на экране синемаатографа, очертя голову Лаис устремилась в пучину страсти, в объятия бравого конногвардейца. До нее то и дело доходили отголоски каких-то романов Михаила Чарновского, порою довольно скандальных. Она плакала по ночам, ревновала, но, увы, ничего не могла с собой поделать. Посетительницы ее салона шептались о животном магнетизме ротмистра, весьма модном научном явлении, возбуждающем неподдельный интерес среди просвещенных дам.

Но Лаис хотя и ведала о магнетизме куда больше светских подруг, могла поклясться, что здесь нечто совсем иное. Она вспоминала легенду, некогда рассказанную матерью о том, что Господь воплощает порою в людском образе ангелов своих, дабы открыть путь возлюбленным чадам. Так было с Ноем перед всемирным потопом и с праведником Лотом перед крушением Содомы и Гоморры. По преданию, именно такой ангел привел хранителей сокровищ и реликвий Соломонова храма на горное плато Карнаве, и он, вновь обратившись в ангела, обронил перо из крыла, подав знак, где стоять новому храму.

Лаис чувствовала в блестящем конногвардейском ротмистре иную, нечеловеческую силу, и вся роскошь его мундира, вся жизнь баловня судьбы казалась ей лишь шипастой оболочкой каштана, скрывающей истинное ядро. Он был человек не такой, как прочие, как все иные мужчины.

Лишь ему одному она доверила великую тайну! Она рассказала бесшабашному кавалеристу о семидесяти двух духах – князьях и королях иного мира, которых она может вызвать из бездны и заставить служить себе. И он понял, поверил, и более того...

Но все же, Лаис с болью в сердце должна была признаться себе в этом, у нее был секрет, который она не желала открывать не то что возлюбленному, а даже самой себе.

Пару лет назад ее брат, подсчитывая доходы и расходы за год, прислал ей полное упреков письмо, обвиняя единокровную сестру в непомерных тратах. Дабы снизить сумму расходов, Миклош Эстерхази рекомендовал ей взять толкового управляющего и даже нашел для нее такого человека. Услышав о скором приезде в ее дом нестарого еще мужчины, ротмистр Чарновский поначалу впал в мрачность, едва не в буйство. Что греха таить, ей была приятна его ревность. Но долгие и страстные уверения в любви и верности разогнали меланхолию возлюбленного, и он даже согласился лично встретить и привезти будущего дворецкого.

Вот тут-то и случилось то, чего она никак не ожидала: едва ли не с порога она почувствовала в Конраде Шульце ту внутреннюю силу, которую встречала до того лишь в Чарновском. Боясь поддаться невольному чувству, она была неизменно холодна со своим управляющим, ограничивая общение с ним лишь рамками вежливости да временами требованиями доставить ей ту или иную сумму.

Вчера, когда этот немногословный скупой на жесты человек, рискуя жизнью, схватился с тремя нотерами, ворвавшимися в ее дом, она впервые взглянула на него как на героя. А потому сейчас, глядя, как переполошенные офицеры бегут в сторону кабинета ее управляющего, Лаис в волнении сцепила пальцы, изо всех сил желая преследователям не догнать ускользающую добычу.

Поручик Вышеславцев лежал на полу, уныло прикрыв глаза. В голове шумело, точно кто-то скатывал с холма бочку гороха. Тот самый жандарм, недавно приведенный под руку ротмистром Чарновским, сидел на корточках перед командиром, обмахивая его папашой. Едва различив появившихся в комнате офицеров, Вышеславцев предпринял слабую попытку приподняться. Но тщетно. Спустя минуту усилиями жандарма и атаманца он был посажен на стул с резной спинкой, а еще спустя пару минут смог внятно разговаривать.

– Что здесь произошло, господин поручик? – усаживаясь напротив, резко поинтересовался Платон Аристархович.

– Я вел допрос, – с трудом выговорил жандарм.

– Отчего ж сразу допрос? – хмыкнул Лунев. – Господин Шульцце, кажется, у нас не в преступниках ходил. Совсем даже наоборот. И вдруг – нате.

– Да я и сам не пойму, – вздохнул Алексей Иванович, потирая скулу, – вроде ж и не было ничего.

– Было, не было – это уж не вам судить. О чем шла речь?

– Ну, вначале говорили о том, как дело обстояло, – опасливо глядя на полковника, сбивчиво проговорил Вышеславцев, – как их заперли, как он через балкон перелез, что видел, что слышал. А потом дай, думаю, его огорошу.

– Огорошил! – усмехнулся сотник. – Он теперь небось весь в горошек ходит.

– Что вы у него спросили? – перебил балагура Лунев.

Поручик замялся.

– Да говорите же, черт вас побери!

– Я пожелал узнать, не любовник ли господин Шульцце госпожи Эстер.

– Что?! – раненым медведем взревел ротмистр Чарновский. – Да я ж тебя, морда песья!..

– Михал Георгиевич! Да вы что? Ну, спросил себе и спросил. У него ответ, видите теперь, на лице написан.

Холост вцепился в рукав конногвардейского мундира, силясь удержать двухметрового гиганта.

– Отставить, господа офицеры! – жестко отрезал полковник Лунев. – Здесь речь идет не о любовной интрижке. Здесь может быть дело государственной важности! Так, поручик. Напишите мне подробнейший рапорт о случившемся, и чтоб все без утайки! Сколько ваших людей у дома?

– Двое, – промямлил Вышеславцев. – Один у черного хода, второй, ясное дело, в парадном.

– Этот, что ли? – Лунев кивнул на жандарма, маячившего у дверей с папашой в руках.

– Он самый, – вздохнул поручик.

– Ну, так, стало быть, в парадном его сейчас не было!

– Выходит, что так.

– Бестолочь! – выругался контрразведчик.

– Сотник, – он повернулся к Холосту, – проверь, каким ходом вышел господин Шульцце. Если окажется, что парадным, там у самого входа наш мотор...

– Ага, а в нем ваш абрек.

– Извольте не перебивать, – поморщился Лунев. – У Заурбека глаз зоркий. Он наверняка приметил, куда направился господин, несколько минут назад вышедший из дома, и опознать

его сможет, вне всякого сомнения. Берите мотор, быть может, Конрада Шультце еще удастся догнать.

– Но это если он, как дурак, улицей пошел. – Атаманец состроил гримасу весьма скептического рода. – А проходными дворами отсюда почитай до Бассейной дойти можно.

– Выполняйте! – рявкнул контрразведчик.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие! – Сотник щелкнул каблуками и выскочил из комнаты.

– Вы, господин ротмистр, отправляйтесь на службу или же домой. Вам лучше знать. Только прежде сообщите ваш адрес. Мы с вами еще свидимся.

– Это уж всенепременнейше, – усмехнулся конногвардеец, не спуская прямого взгляда с собеседника. – С адресом просто: Литейная сторона, Брусьев переулок, дом господина Чарновского. Да только, извольте понять, я никуда не спешу. Разве что Лариса Львовна пожелает, чтобы я удалился.

– Это приказ, ротмистр.

– Господин полковник, в подчинении я у вас не состою, а как мужчина имею полное законное право, или, лучше сказать, обязан, здесь ныне пребывать.

Лунев бросил на конногвардейца негодующий взгляд. Дерзость отказа не подлежала сомнению, и по сути самым верным было распорядиться окончательно пришедшему уже в чувства Вышеславцеву препроводить господина ротмистра на гауптвахту, но для контрразведчика это означало поставить крест на большой игре, которую ему предстояло только начать. Дуэль взглядов продолжалась меньше одной минуты, однако это было целое сражение с тактическим расчетом и стратегическим замыслом.

– Ладно, будь по-вашему. Как мужчина, я вас понимаю. Однако потрудитесь не мешать мне работать. Побеседуйте, вот скажем, с господином поручиком о воинских дарованиях вашего знакомого. Но, прошу вас, держите себя в руках.

Лаис вновь сидела перед контрразведчиком, с печалью глядя на его резко посуровевшее лицо. Она никак не могла взять в толк: как этот милый человек и приятный собеседник вдруг превратился в настоящего цербера.

– Прошу вас ответить, госпожа Эстер, в какой сумме исчисляется ваше состояние?

– Увы, я об этом ничего не знаю.

– То есть как это? – удивленно, почти растерянно задал вопрос Платон Аристархович.

– С тех пор, как господин Шультце любезно возложил на себя заботу о ведении моих дел, у меня не было нужды интересоваться счетами, вкладами и тому подобными низкими материями.

– Это крайне неосмотрительно. – Лунев покачал головой. – Как же вы получали деньги?

– Я говорила Конраду, что мне нужно, ну, допустим, десять тысяч рублей. Он ехал в банк и привозил мне столько, сколько я спрашивала.

– Сам?

– Ну да.

– У него был ключ от вашего сейфа, номер счета, право подписи?

– Именно так.

Платон Аристархович осуждающе покачал головой.

– Сударыня, должен вам заметить, что вы попали в крайне неприятную ситуацию. Я вынужден буду изъять для экспертизы все имеющиеся у вас купюры достоинством выше пяти рублей.

– Но, Платон Аристархович, помилосердствуйте, как же так?

– Мне крайне неприятно говорить вам об этом, но Конрад Шультце – родной брат известного фальшивомонетчика Артура Шультце, сбежавшего из России в Вену и предложившего свои услуги Францу-Иосифу для подрыва мощи рубля путем фабрикации фальшивок отмен-

ного качества. Есть основания полагать, что, пользуясь вашим покровительством и бесконтрольностью, господин Шультце-младший наводнял столицу изделиями старшего брата. А потому, госпожа Эстер, потрудитесь отдать мне ключи от вашего сейфа.

– Но что вы такое говорите? Как же я?.. – В глазах Лаис стояли близкие слезы.

– Я искренне надеюсь, – начал Лунев, – что ваши деньги все же окажутся настоящими.

Платон Аристархович не договаривал. Он и впрямь искренне надеялся, но совсем на другое. Ему хотелось верить, что сама госпожа Эстер не имеет отношения к возможным аферам своего отчества против России. Но сие надо было еще либо доказать, либо опровергнуть.

– Я также полагаю, что ваш друг, господин Чарновский, не оставит вас в эту трудную минуту.

Лунев опять запнулся. Обмолвись он сейчас хоть словом, что и сам бывший адъютант великого князя под весьма большим подозрением, и в глазах этой очаровательной испуганной женщины он станет воистину злым демоном, разрушающим все, что дорого ее сердцу.

– Увы, остальное не в моей воле. Я лишь могу распорядиться поставить на время следствия охрану у вашего дома и занять вам на первое время ну, скажем, рублей сто.

– Благодарю вас, господин полковник, это излишне, – сухо отрезала Лаис. – Если вы лишаете меня средств к существованию, мне все равно придется отсюда съехать, а деньги... Надеюсь, истинные друзья и вправду не оставят меня в беде.

– Что ж, – Лунев резко выпрямился, сполна ощутив словесную оплеуху, – тогда честь имею! Соболаговолите написать, в каких банках и на каких счетах хранятся ваши деньги. Опись передадите поручику Вышеславцеву. И еще: прошу вас, сударыня, не покидайте столицу и не меняйте место проживания, не поставив меня предварительно в известность.

Лаис кивнула, поджав губы. Она ждала, когда же, наконец, выйдет этот сухарь, чтобы разрыдаться от огорчения и обиды.

«Делоне-бельвилль», грозно рыча мотором, катил по Большой Садовой, пугая извозчицких лошадей и заставляя вытягиваться во фронт гороховых.

– ...В ближайшую полицейскую часть я заскочил, словесный портрет Шультце отдал, – не отвлекаясь от дороги, вещал сотник. – Там обещали разослать описание филерам. Пусть ищут. Эк же ж, шельма, замаскировался! Когда б не разбойники, может, и не вскрылся бы!

Платон Аристархович слушал помощника вполуха. Он размышлял о хитросплетениях человеческих судеб, досадовал на горестную необходимость причинять неприятности даме, которая, уж чего таиться, занимала в его думах куда больше места, чем надлежало случайной попутнице. Он думал о Фехтмейстере, наконец обретшем для него плоть и кровь. О том, что человек столь горячий и порывистый в движениях своей души вполне мог отправить неосмотрительное письмо пока еще не ведомому контрразведке полковнику. Совсем вот так же когда-то вскрылось дело последних народовольцев, когда один наивный студент послал своему другу весьма недвусмысленное письмо с призывом поддержать террор против царя.

«И ведь что занятно... – Лунев хлопнул себя по лбу. – Там, как и здесь, тоже был Харьков! Точно, в обоих случаях письмо было адресовано в Харьков. Совпадение или?..»

Будто испугавшись начальственного хлопка, автомобиль вдруг фыркнул и, проехав по инерции еще несколько метров, встал как вкопанный.

– Тю! Ядрена-матрена! – выругался сотник. – Кажись, искра пропала! – Он выскочил на улицу и, ругаясь себе под нос, открыл капот.

«...Совпадение или...»

Через открытую дверь на Лунева пахнуло морозной свежестью. Он мельком взглянул на улицу. Ничем не приметный дом с обязательной лавкой на первом этаже показался ему странно знакомым.

«...или нет!»

Сознание живо подсказало, чем памятен именно этот дом. Много лет тому назад здесь находилась квартира главы «Народной воли», а по совместительству провокатора охраны, Дегаева. Именно здесь зверски убили звезду политического сыска, полковника Судейкина.

Глава 6

Идущий путем истины следует кратчайшей дорогой в никуда.
Фиделио Маниола

Как человек здравомыслящий Платон Аристархович не верил в новомодные теории, проповедовавшие общение с духами, сверхчувственные постижения и разнообразные знаки свыше. Однако же порой случай играл шутки необъяснимые с точки зрения логики. Вот как сейчас. Мало ли домов на Садовой. Отчего вдруг мотору было заглохнуть именно здесь? Лунев вышел из машины и, вдыхая морозный воздух, сделал несколько шагов по тротуару к злополучному парадному. Ему казалось, что мрачное здание притягивает его как магнит.

Привратник в длинной ливрее не сводил напряженного взгляда с полковника, незнамо для чего приехавшего сюда на автомобиле со знаками императорского гаража. Он нерешительно приоткрыл дверь, готовясь встретить неведомого гостя, но тот лишь молча покачал головой.

Когда-то на месте этого швейцара дежурил другой – переодетый жандарм. Но в тот день здешнему жильцу, господину Дегаеву, удалось отослать соглядата под каким-то благовидным предлогом. Отставной офицер, отставной революционер, отставной глава «Народной воли», а теперь еще и отставной провокатор ждал. На конспиративную встречу должен был прийти человек, разгромивший эту опаснейшую банду террористов, а некогда завербовавший его самого.

Георгий Порфирьевич Судейкин был непревзойденным мастером провокации и политической интриги. Он вывел охранное отделение на столь высокий уровень, о каком не могли помыслить ни его предшественники из третьего отделения, ни современные ему жандармы.

Завербовав господина Дегаева, человека не менее тщеславного и столь же склонного к авантюризму, сколь и он сам, Судейкин добился того, что очень скоро его «крестник» стал главой исполкома «Народной воли».

Казалось бы, все нити теперь были в руках охраны, но Судейкин не торопился уничтожить змеиное гнездо. Позже в жандармерии, да и в контрразведке ходил упорный слух, что Георгий Порфирьевич и не помышлял окончательно искоренять «Народную волю». Фактически поставив ее себе на службу, он желал ввести в России управляемый террор, успешно истребляя своих противников и спасая тех, кого следовало уберечь от гибели в своих, понятное дело, интересах.

Поговаривали, что Судейкин надеялся запугать императора Александра III, заставить его жить затворником в одной из загородных резиденций и обрести при нем фактически диктаторские полномочия. Сейчас невозможно было сказать, так это планировалось или нет. В любом случае замыслу не дано было осуществиться. Зарубежный центр «Народной воли» сумел облачить провокатора, и тот, сознавшись во всех своих злодеяниях, вымолил жизнь в обмен на содействие в убийстве своего патрона.

Нельзя сказать, чтобы Георгий Порфирьевич не ожидал чего-либо подобного. Будучи и сам человеком немалой физической силы и ловкости, он постоянно носил с собой револьвер и везде ходил с телохранителем, собственным племянником. Но здесь силы оказались неравными. Дегаев и его соратники заманили начальника петербургского охранного отделения в западню и попросту, не церемонясь, забили его и телохранителя ломами.

– Ваше высокоблагородие, – донеслось до задумчиво рассматривающего злополучный дом контрразведчика, – мотор готов, можем ехать.

* * *

Лаис рыдала, не в силах унять слезы. Волнения последних дней легли на ее плечи невыносимым грузом. Жизнь как-то вдруг пошла рушиться. Ее мир, такой удобный и привычный, исчезал, точно мираж. Вместо золотого чертога теперь громоздились страшные угрожающие развалины. Ее верный Конрад вдруг оказался опасным мошенником. Этот приятный флигель-адъютант, которого она уже числила среди друзей и поклонников, вдруг обернулся жестокой ищейкой и едва ли не грабителем с большой дороги. Теперь она оставалась без средств к существованию. К тому же – Лаис громко всхлипнула от нахлынувшей жалости к себе – за ней охотятся!

Конечно, теперь полковник, как и обещал, приставил к дому жандармов, но вряд ли те сумеют защитить ее, они и своего государя порой уберечь не могут.

Лаис снова всхлипнула. А вот к ней теперь точно никто приезжать не пожелает. Кому же угодно в жандармские протоколы угодить? «Замечен в связях с...»

Дверь ее будуара распахнулась, точно кто-то пнул ее ногой. Лаис убрала платок от глаз, собираясь уже выговорить дерзкому мужлану за этакое невежество. В дверном проеме красовалась целая клумба алых роз, над которой виднелась черная, как ночь в тропиках, шевелюра ротмистра Чарновского.

– Душа моя! – проникновенным голосом пророкотал конногвардеец. – Ну что ты? Все уже позади! Прости, что я не приехал сразу, но как только увидел сообщение в газете... Я полагал, что ты в Царском Селе. Ты же говорила, что едешь в гости к великой княгине Ксении Александровне и заночуешь у нее.

– Я и была там, – все еще всхлипывая, но все же понемногу успокаиваясь при виде любимого мужчины, произнесла Лаис. – Не смотри на меня, я сейчас ужасно выгляжу! – перебила она собственный рассказ. – Однако ближе к вечеру позвонил Конрад и сказал, что здесь есть дела, требующие моего безотлагательного присутствия. Затем он прислал нарочного с билетом... А там, в поезде, я познакомилась с этим господином.

– Луневым, – поправляя усы, проговорил Чарновский. – Старый знакомец.

– Но я не знала, что он имеет отношение к жандармам.

– А он и не имеет, – присаживаясь рядом и ласково обнимая ее за плечи, заговорил ротмистр. – Он контрразведчик. Скорее всего скромняга Конрад работал на австрийскую разведку. Твой братец прислал его сюда с дальним прицелом. Насколько я понял, деньги, которые переводил тебе князь Эстерхази или, вернее, их Генеральный штаб, были фальшивыми.

– Я видела, видела в своих прозрениях деньги, будто охваченные пламенем! Они горели, но не сгорали!

– Ни о чем не беспокойся, моя дорогая, – продолжая утешать заплаканную госпожу Эстер, заверил конногвардеец. – Живи как обычно. У тебя ведь сегодня вечером салон?

– Да, – кивнула Лаис, и выражение отчаяния на ее лице сменилось озабоченностью. – Какой ужас!

– Ничего ужасного! Все идет своим чередом. Тебе пора готовиться. Успокойся. Общение с духами, ты лучше меня это знаешь, требует сосредоточенности и уверенности в своих силах.

– Но жандармы у подъезда? – вновь отчаянно всхлипнула женщина, закрывая надушенным платочком красные от слез глаза.

– Можешь не беспокоиться. Там будут стоять мои люди.

Лунев ходил по кабинету из угла в угол. Коллежский ассессор Снурре с блокнотом и карандашом в руках едва успевал записывать.

– По Конраду Шультце. Прояснить все детали: где, когда родился, кто его родители, какого состояния, есть ли еще братья и сестры. Где, когда служил, какие отзывы. Желательно найти знакомцев по службе. Пошлите запрос в Ригу в таможенное управление. Необходимо установить, что его может связывать с князем Эстерхази, единокровным братом госпожи Лаис Эстер. Встречались ли? Могли ли встречаться? Если да, то при каких обстоятельствах?! Все проверить и перепроверить. Срочно.

По ротмистру Чарновскому. Приставить лучших филеров. Глаз не спускать ни днем, ни ночью. Все письма его и его слуг перлюстрировать, если необходимо – дешифровать. Все телефонные разговоры прослушивать и фиксировать номера. Сотник, эта задача – тебе. Съезди на телефонную станцию, найди пару барышень посмышленей и помолчаливей.

– Так это одно и то же.

– Отставить шуточки!

– Все, молчу. Уже ж помчал быстрее лани. Записываю: пара барышень. Интим не предлагать.

– Тьфу ты, – глядя на неугомонного балабола, нахмурился полковник и вновь обратился к Шурре: – Имейте в виду, мне нужны все контакты Чарновского, госпожи Эстер и этого самого Шультце. Все! Далее, вы деньги на экспертизу передали? – без перехода уточнил он.

– Так точно! – попробовал вытянуться полицейский чиновник. – Но первые результаты будут не раньше завтрашнего дня.

– Долго! Это очень долго! Необходимо быстрее. – Платон Аристархович хлопнул ладонью по столу. – Мне нужны результаты! Будьте любезны, поторопите экспертов! Пусть работают днем и ночью. Здесь тоже война и тоже фронт!

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие!

– Вот и отлично.

– Слушай! Нэльзя-нэльзя! – послышалась из-за двери похожая на орлиный клекот речь Заурбека. – Никого нэ прынымает!

– Моя искай генерар Кругров, – послышалась фраза на еще более ломаном русском, нежели у малограмотного горца.

– Нэ хадить! – свирепо прорычал телохранитель, и все явственно услышали звон покидающего ножны кинжала.

– Что там, черт возьми, происходит? – нахмурился Лунев. Он приоткрыл дверь. Форма и весь внешний облик вошедшего не вызвали сомнения. У порога кабинета стоял офицер – лейтенант японской армии.

* * *

Николай II глядел в окно. Там, на заснеженной лужайке вовсю резвились детишки дворцовой челяди. Казалось, им не было дела ни до августейшего наблюдателя, ни до идущей войны. Впрочем, нет. До войны им как раз дело было.

Закончив катать снежные шары, малыцы взгромоздили их один на другой, затем выложили на плечах угольками нечто вроде погон и напялили раздобытую где-то прусскую каску на голову снеговика. Далее с криком «ура!» они ринулись швырять в самодельного врага снежками и шишками и, покончив с «артподготовкой», развивая успех, разухабисто истыкали его палками, точно штыками или саблями.

– ...На Привисленском участке фронта действия наших войск неудачны, – продолжал вещать подтянутый моложавый генерал-адъютант, изредка бросая взгляд на исписанные листы, лежащие перед ним в сафьяновой с золотым тиснением папке. – Катастрофически не хватает снарядов. Все нормы довоенного времени в условиях нынешней кампании оказались абсолютно недостаточными. Недостача боеприпасов столь велика, что орудия порою в день могут

произвести не более трех – пяти выстрелов на ствол. Когда же противник предпринимает наступление, артиллерия, опасаясь захвата, и вовсе спешит покинуть поле боя. Это, конечно же, не способствует улучшению боевого духа войск.

– Пожалуй, пожалуй, – отрываясь от созерцания картины за окном, кивнул император. – Но отчего так? Отчего не было запасено снарядов в необходимом количестве? Отчего наши заводы по сей день не справляются с фронтовым заказом? Что мешало России, – Николай II произнес это слово, раскатывая каждый слог, и вновь повторил, – России с ее огромными богатствами, с ее недрами быть готовой к войне?!

– Увы, ваше величество, но так каждый раз. Верно говорят, что генералы всегда готовятся к прошедшим сражениям.

– Весьма критично, – глядя на своего генерал-адъютанта, усмехнулся Николай.

– Но поверьте, ваше величество, ныне делается все, что в наших силах. Открыто несколько снарядно-патронных заводов. На подходе еще три. Мы с каждым днем наращиваем темпы выпуска.

– А что говорят союзники?

– Франция сейчас и сама в положении едва ли не бедственном. Но им оказывают поддержку британцы. Помогать же России, как утверждает английский посол лорд Бьюкенен, им весьма затруднительно. В Северном и Балтийском морях рыщут германские подводные лодки.

– Увы, князь, – вздохнул Николай, – я полагаю, нерешительность британского парламента диктуется совсем иными причинами. Что бы там ни говорил посол, наши английские союзники не желают усиления России и установления ее контроля над Босфором и Дарданеллами.

– Еще бы, они намерены там обосноваться сами, и только время тянут, разглагольствуя о некоем совместном контроле всех причерноморских стран над этими проливами.

– Н-да. – Император вновь устремил взгляд на заснеженную лужайку, где шумная компания мальчишек со смехом топтала останки снеговика. – Вот и выходит, что помощи от кузена Георга ждать не приходится.

Он начал барабанить пальцами по подоконнику.

– Забавно, друг мой. Мы с Джорджи схожи так, что если переоденемся, то, пожалуй, даже Палата общин вместе с Палатой лордов не отличат, кто из нас император Великобритании, а кто – России. И вот на тебе! Впрочем, с дядей Вилли мы тоже близкие родственники. Такая, с позволения сказать, получается склока в благородном семействе.

Генерал-адъютант сдавленно кашлянул, не зная, что и сказать на эти слова.

– А вот японский микадо, – продолжал император, казалось, и вовсе не заметивший неловкой паузы, – хотя и не родственник нам, а свои обязательства по союзному договору выполняет в наилучшем виде.

– Так точно, – оживился докладчик. – Третьего дня в Петроград с военной миссией прибыл личный посланник микадо генерал Хатакэяма. Японцы предлагают дополнительное количество артиллерийских снарядов и патронов сверх оговоренного, а также готовы начать поставлять винтовки Арисака, хорошо себя зарекомендовавшие, – генерал вздохнул, – в прошлой войне.

– Полагаю, нам это будет весьма кстати.

– Именно так, ваше величество. Генерал Ацзума просил вашего соизволения срочнейшим образом принять его.

– Запишите его, пожалуй, завтра поутру. Перед Сухомлиновым.⁵ Мне представляется, это будет правильно. Есть ли еще что-нибудь?

⁵ В. А. Сухомлинов – генерал от кавалерии, военный министр с 1909-го по 1915 гг.

– Так точно, ваше величество. Дело строго секретное. И весьма конфиденциальное. – Генерал-адъютант протянул императору папку с документами. – Это депеша, полученная только нынче. От датского короля.

Император взял в руки бумаги и, отвернувшись от окна, начал читать.

– Вы уже ознакомились с посланием?

– Я лично расшифровывал его, ваше величество.

– Стало быть, читали. Если верить сообщению господина Андерсена, агента короля Дании, кайзер Вильгельм в приватной беседе весьма сожалел о начале военных действий между нашими державами и назвал это ошибкой, досадным недоразумением.

– По словам господина Андерсена, так оно и есть.

– Здесь далее записка, начертанная собственноручно дядей Вилли, в ней он указывает, насколько боевые потери Антанты превосходят потери Германии и Австрии. Сюда бы еще следовало добавить потери Турции, но об этом кайзер Вильгельм забывает. Как мне видится, вся эта цифирь служит одному делу – подтолкнуть нас к переговорам о сепаратном мире.

– Еще бы, он всерьез мыслил закончить войну за семь недель. Ан, нате-ка, не вышло! – Царский собеседник расправил плечи так, что густая золотая бахрома на эполетах качнулась волной, и добавил: – И не таких бивали!

– Не вышло, – вслед за докладчиком повторил император и добавил со вздохом: – Ну, да и у нас не больно-то выходит! Великий князь Николай Николаевич даром что могуч, а нашего сухорукого родича одолеть не может.

– Россияне долго запрягают, да быстро ездят, – вступился за Верховного главнокомандующего свитский генерал. – Так еще Бисмарк сказывал.

– Оттого его Вилли и турнул, – вновь усмехнулся Николай II. – Да, кстати. – Император внимательно поглядел на собеседника, точно сомневаясь, доверять ли ему. – От полковника Лунева какие-нибудь известия были?

– От него самого никак нет. Однако же генерал Джунковский сообщает, что, едва прибыв в Петроград, сей доблестный офицер сумел раскрыть целое осиное гнездо фальшивомонетчиков, работающих на австрийскую разведку.

– Фальшивомонетчиков?!

– Точно так. А руководил ими, как сообщают, некий Конрад Шультце, управляющий госпожи Лаис Эстер.

– Лаис Эстер? – Император наморщил лоб. – Совсем недавно я где-то слышал это странное имя.

– Как же, – генерал закрыл папку, – вчера только эта особа гостила у вашей сестры, Ксении Александровны.

Христиан Густавович поправил золотое пенсне, придавая лицу суровость и выдерживая паузу, что случалось всякий раз, когда он намеревался сообщить нечто значимое, сенсационное.

– Ну что, Платон Аристархович, до окончания проверки купюр еще далеко. Их, сами изволите понять, у госпожи Эстер оказалось несметное множество, но кое-какие результаты уже есть. Вот так-с! – Он аккуратным жестом поправил перо в чернильнице. – Результаты, я вам скажу, престранные.

– Давайте говорите. Что ж вы тянете-то? – Лунев помешал ложечкой чай и отломил кусок свежей, еще теплой сайки, принесенной Заурбеком из пекарни ресторана «Малоярославец», что на углу Невского.

– Так вот. Исследованные купюры можно условно разложить на четыре группы. Это «шультцевки», старые и хорошо известные. Но, должен вам заметить, оных среди исследован-

ных денежных знаков почти не встречается. – Снурре отхлебнул из своего стакана. – Так, в той же пропорции, что и среди сбережений прочих граждан.

– Понятно, – продолжая задумчиво помешивать чай, качнул головой разведчик. – Далее.

– Вторая группа – самые что ни на есть настоящие российские ассигнации. Но тут есть одна деталь. По спискам казначейства купюры данных серий и номеров отправлялись в наши приграничные города. В частности, Каменец-Подольский, Черновцы...

– Не стоит перечислять, приложите к делу список, – прервал дотошного чиновника Лунев. – Насколько я понял, есть большая вероятность, что эти денежные знаки были захвачены австрийцами, а затем переправлены сюда нелегальным путем.

– Именно так-с, но и это еще не все. – Снурре победительно блеснул глазами из-за стекол. – Две последние части, насколько мне видится, куда как интересней.

– Что ж в них эдакого необычного?

– А вот извольте видеть. – Христиан Густавович открыл изрядно потертый кожаный саквояж и жестом фокусника вытащил две купюры с портретами государыни Екатерины Великой.

Лунев бегло глянул на сотенные бумажки, дожидаясь объяснений.

– На первый взгляд все кажется верным. «Катенки» себе и «катенки».

– На второй взгляд тоже. – На лице Снурре обозначилась победительная улыбка. – По обоим наши эксперты заявили, что они настоящие.

– Да не томите же!

– Это я заметил, – не без гордости объявил коллежский асессор. – Взгляните-ка на серии и номера.

Лунев внимательно начал рассматривать комбинации букв и цифр.

– Что за чертовщина?! – от неожиданности Платон Аристархович засунул чайную ложечку в карандашницу, сделанную из обрезанной снарядной гильзы. – Одинаковые!

– Вот именно-с! – Указательный палец Снурре уперся в одну из купюр. – Сходны как две капли воды! Отсюда следует, что у господина Шульце-старшего теперь недостатка в соответствующей бумаге и краске нет. Так что печатает он деньги, от наших абсолютно неотличимые. И вот тому подтверждение.

Полицейский чиновник достал из саквояжа запечатанную пачку сотенных банкнот.

– И не опасаетесь вы с собой такие деньжищи носить? – покачал головой Лунев.

– Отчего ж не опасаться, Платон Аристархович? Очень даже опасаться. Но если кто-то нынче решится денюжки эти потратить, то пусть уж сразу на лбу напишет: «Расстреляйте меня». Ибо денег этих, – Снурре похлопал рукой по увесистой пачке, – в природе еще не существует. Если, конечно, верить докладу казначейства, а заодно и Экспедиции заготовления государственных бумаг, эту серию с марта только должны начать печатать.

– М-да, – протянул контрразведчик, – по всему видать, информация господину Шульце-старшему попадает из первых рук. Либо австрийцы надеялись, что подвох не вскрыется, либо полагали, что до поры до времени эти купюры отлежатся в сейфе госпожи Лаис. Ведь деньги-то привозил хозяйке Шульце-младший, а он наверняка знал, что следует пускать в ход, а с чем подождать.

– Здесь есть еще одна занятная особенность, – продолжая доставать тузы из рукава, проговорил Христиан Густавович. – Как обнаружилось, в Русско-Балтийском депозитном банке у госпожи Эстер абонирован еще один сейф. Но если в первом хранились купюры лишь крупного достоинства, то в этом – пачки по десять и двадцать пять рублей.

Снурре замолчал, выжидательно глядя на контрразведчика, точно собираясь уточнить, понятна ли тому его мысль.

– Ты хочешь сказать, – медленно начал Лунев, – что мелкие деньги использовались там, где крупные могли вызвать подозрение?

– Именно так, – с ликованием объявил полицейский чиновник. – Скажем, для финансирования саботажа на военных заводах, забастовок и прочих бесчинств.

– Интересный расклад получается. – Платон Аристархович завернул сотенную купюру вокруг указательного пальца. – Чем дальше, тем больше хочу свести знакомство с господином Конрадом Шультце.

Он поглядел в окно. Там уже стемнело, лишь в Зимнем дворце кое-где горели фонари, освещающие подъезды. Следовало садиться за отчет. Конечно, за то краткое время, которое он находился в Петрограде, сделано уже было немало. Однако же имело ли это отношение к вероятному заговору против государя-императора? Да или нет? Да или нет... Какой смысл объявлять государю о раскрытии опаснейшей сети фальшивомонетчиков, когда задание его состояло совершенно в ином? И все же успех налицо, и дело следует довести до конца. Тем более куда проще объяснить соратникам, что охотишься на австрийских шпионов, а не на великосветских львов. Так оно, пожалуй, правильней.

В дверь кабинета постучали.

– Ваше высокоблагородие, разрешите доложить! – На пороге стоял неунывающий атаманец. – Заброс невода прошел успешно!

– Какого еще невода? – раздраженно поглядел на казака Лунев.

– Ну, как в сказке, помните? Первый раз закинул старик невод, второ...

– Ты можешь толком рассказывать?

– Так а я шо, молчу, что ли? Я как на телефонной станции с девушками о том о сем потолковал, заехал в полицейское отделение узнать, нет ли вестей о нашем таинственном Ринальдо Ринальдини.

– О ком?

– Ну как же, Ринальдо Ринальдини – Черный Дракон, благородный разбойник. Как водится, погорел на бабе.

– Тьфу ты! – В сердцах бросил контрразведчик. – Запомни, того, кого мы ищем, зовут Конрад Шультце. Не Робин Гуд, не Ринальдини этот, не Роб Рой, наконец!

– Как скажете! – Сотник вытянулся в струнку, изображая на лице предписанное императором Петром идиотское выражение. – Я только доложить хотел, что следок-то вышеупомянутого имярека сыскался.

– Ну-ну, давай говори!

– Эх, то «говори», то «тьфу ты». – Холост обреченно махнул рукой. – Жизнь мотузьяная. Не ценют. Разве шо по башке не бьют. В общем, так дело было: по сообщению городских Иванкова и Кутейникова, человек, сходный по описанию с господином Шультце, на Большой Морской, неподалеку от французского посольства, взял извозчика и отбыл в неизвестном направлении.

– Все? – разочаровано произнес Лунев.

– Было бы все, стал бы я рассказывать! Городовые эти у посольства регулярно дежурят и извозчика этого знают. Отыскали его, порасспросили как следует. Я ему фотографию показал. Ее пострадавший наш среди бумаг Конрада изъял. Так вот, извозчик по фотографии клиента опознал. Говорит, точно, долго по городу с ним ездили, а потом на Литейном, у Таврического сада господин Шультце с извозчиком расплатился, даже с лихвой дал, попросил молчать и буквально растаял в тумане.

– Где это было? – скороговоркой произнес контрразведчик, напрягаясь, точно борзая, почуявшая след.

Атаманец склонился над разложенной на столе картой, отодвинул стакан с остывшим чаем и уверенно ткнул пальцем в прямую линию улицы.

– Вот тут.

Лунев устремил взгляд туда, куда указывал его помощник.

– А тут у нас что? Как интересно! Если верить карте, отсюда до Брусьева переулочка едва ли полтора саженей будет!

(Из донесения от ...01.1915 г.)

...В связи с возникшими неустраняемыми обстоятельствами первоначальный план вербовочного подхода выполнить невозможно. Срочно требуется перегруппировка сил. Вынужден действовать по обстоятельствам.

Фехтмейстер

Глава 7

Безоружный человек может либо бежать от зла, либо смиряться с ним. Но зло не победить, смирясь и убегая.

Полковник Дж. Купер

Библиотека, расположенная в круглой башне, вызывающей в памяти эпоху рыцарских замков, была огромна и занимала полных два этажа. Между ними находилось что-то вроде боевой галереи с лестницами, ведущими к верхним, уставленным книгами гигантским стеллажам. Внизу, занимая примерно треть помещения, стоял круглый стол, обставленный креслами в английском стиле с высокими резными спинками. На инкрустированной столешнице была изображена овальная карта небесного Иерусалима. В центре ее красовался внушительных размеров золоченый потир,⁶ наполненный темно-красным, точно запекавшаяся кровь, вином.

Из чаши, обвивая ее в три оборота, выползла змея довольно крупных размеров. Ее можно было принять за обычный муляж, когда бы разноцветный аспид конвульсивно не подергивался, точно в предсмертной судороге.

Вся эта декорация должна была напоминать собравшимся о чуде, некогда свершенном Иоанном Предтечей на пиру царя Ирода. В ту роковую ночь, получив из рук библейского злодея бокал с отравленным вином, предвестник Спасителя сотворил молитву, и, понукаемая Божьей волей, из чаши вылезла змея, тут же приказавшая всем долго жить. Правда, это не спасло Иоанна Крестителя от скорой гибели, но зато в полную силу продемонстрировало возможности Господа в отстаивании своих интересов.

В данном случае вино было отменного качества, из личных виноградников барона де Катенвиля, а дергающаяся змея – лишь электрической игрушкой, приводимой в движение нажатием кнопки, упрятанной в подлокотнике кресла, занимаемого ныне Магистром Ложи. Но общая атмосфера тайны и великого деяния, совершаемого в этих стенах, доводила волшебство создаваемого образа до нужного градуса.

– «...И призвал Соломон Хирама, царя Тирского, и молвил ему такими словами: „Брат мой Хирам, возвеличенный Богом превыше иных и многими умениями своими достославный, помоги мне совершить деяние, дабы возблагодарить Господа Единого за милость Его“. И отвечивал ему Хирам: „Чего желаешь ты, Соломон, царь народа, возлюбленного Отцом творения?“ – декламировал Михаил Чарновский, и собравшиеся вокруг стола полушепотом вторили ему. Произносимые слова не были молитвой, но всегда предшествовали открытию заседания Капитула Святая святых ложи „Иоанновой чаши“. – „Да будет возведен храм, – рек в ответ премудрый Соломон, – равного которому не было прежде ни в Афинах, ни в Вавилоне, ни в земле египетской, нигде под небесами. Да будет сей храм зерном истины среди плевел, радостью Божьей среди тлена людского несовершенства. Пусть станет он началом Пути ясного, и пусть ступившего на тот Путь не устрашат ни львиный рык, ни злоба и мечи сынов человеческих, ни козни демонов, отринувших Господню благодать. И ответил ему Хирам, многомудрый строитель: «Да будет так. Многие народы покорны тебе и почитают величие твое. Радостны Богу слова твои и благословенно станет деяние царя царей. Пусть содеется по слову твоему: смири демонов, злобствующих против света Божия, я же возведу храм, какой не видывали досель...“

Далее в подробностях следовала история строительства храма, обуздания Соломоном семидесяти двух королей и герцогов, и прочих адских вельмож, и трагической смерти царя

⁶ Потир – чаша для омовения.

Хирама от рук невежд, жаждущих вызнать секреты великого создателя. По утверждению священной легенды, храм Соломона, построенный учениками тирского царя, несомненно, был великолепен, но, увы, не соответствовал истинному замыслу Хирама.

Михаил Чарновский сквозь экстатически полуприкрытые глаза следил за выражением лиц членов Капитула, словно рыбак, наблюдающий за поплавком, чтобы в нужный момент подсечь наевшуюся в последний раз рыбину. Фамилии собравшихся в башне людей время от времени мелькали на страницах газет, и чаще всего перед ними значилось что-либо вроде «Его Превосходительство», «Его Светлость», и тому подобное. Но здесь они переставали быть генералами, министрами и финансистами, здесь каждый из них был командором рыцарей Соломона храма внутреннего Капитула Тампля.

До недавних времен четверо из них были Великими Мастерами иных масонских лож, однако теперь и они сами, и их организации обратились к Великому деянию и пути истинного знания.

– «...И велел царь Соломон Авероаму, лучшему из войска своего: „Сердце мое наполнено скорбью, ибо брат мой, Хирам, пал от злобы и неразумия людского. Боль язвит мое сердце, ведь известно всякому, Хирам был мне как брат, но еще горше и больнее оттого, что поднявший руку на царя посягает на суть Божественного мироздания. Ибо где нет власти, нет Бога. Ибо всякая власть от Бога. Людская же воля без того – тщета перед замыслом Творца Всевышнего. А потому велю я тебе, Авероам-сотник, выбери в землях моих и всех краях, где почитается Господь Единый, лучших из людей, дабы пресекали они неразумие и злобу людскую, в помрачении не ведающих, что творят“.

Историю возникновения ордена знал всякий из тех, кто сидел вокруг стола, знал и молчал вне этих стен, ибо таково было строжайшее правило. Ведь только самые избранные из строителей храма могли войти в воинство Авероама-сотника. И знание это добавляло сил, поскольку каждый, сидевший здесь, ведал по собственному опыту, что поистине чудодейственным способом, углубившись во внутреннее созерцание, Магистр получает ответы на любые вопросы о будущем, начиная от котировок ценных бумаг на следующей неделе и заканчивая положением дел на фронтах.

За частью ритуальной следовала деловая, и она вовсе не напоминала собрание кружка любителей древней словесности.

– Брат Вергилий, – голос Чарновского, утратив напевность, обрел непреклонную жесткость, – вы желаете сообщить нам о происходившем нынче во дворце?

– Государь сегодня был задумчив, – негромко заговорил тот, кого Магистр назвал именем древнего гения, сопровождавшего творца «Божественной комедии» по кругам ада. – Он изволил обсуждать обстановку на фронтах, политическую ситуацию в мире, пенял на своего кузена Георга Английского, распорядился завтра поутру принять посланника японского микадо, интересовался успехами полковника Лунева...

– Хорошо, – перебил его Чарновский, – об этом расскажете позже. Что еще?

– Да, кажется, все. Император посетил госпиталь, награждал там увечных нижних чинов. Затем изволил читать. На вечер у него не было назначено каких-либо встреч...

– Так что, вероятно, ночью он ляжет спать и поутру проснется, поморщился Магистр.

– Вергилий, брат мой, у тебя плохо с памятью? Или же ты вознамерился утаить от соратников нечто важное?

Командор, отмеченный золотой ветвью, попытался было возразить, но тут же запнулся. Между тем Чарновский продолжал:

– «Вечером перед моим отъездом рейхсканцлер передал мне следующую записку от императора. При сем цифры, которыми Андерсен может воспользоваться при информировании царя». Я, кажется, нигде не ошибся?

– Но это государственная тайна, – едва слышно проговорил ошеломленный брат. – Откуда вы... – Он осекся, припоминая, что спрашивать Магистра о корнях его знания запрещено.

– Пустое, – отмахнулся Магистр. – Я могу воспроизвести по памяти всю депешу короля датского, вместе с ней и ту собственноручную записку кайзера, которую я сейчас имел честь цитировать. Нет тайного, что бы не стало явным. Ладно, об этом потом. Вернемся к нашим делам. Брат Нестор, завтра в «Русской вести» должны появиться статьи «Честного гражданина» с описанием тягот на фронте и количеством потерь, приведенных в данной записке.

– Но, Ваше Просветленное Высочество, нас же закроют!

– Непременно. И почти весь тираж сожгут. Но часть газет уже разойдется по рукам. Можете не сомневаться, этого будет достаточно, чтобы либеральная общественность возмущалась посягательством на заветные свободы, а контрразведка заинтересовалась происхождением столь точных данных. Послезавтра вас снова откроют и присудят штраф. Иначе как им выяснить, кто же этот «Честный гражданин» и откуда он черпает свою информацию. Брат Крез, оплата штрафа будет проводиться через ваш банк.

– Я понял. – Один из заседавших приподнялся на месте.

– И вот еще что, я просил у вас полную справку о положении финансов господ Гучкова, Родзянко и князя Львова.

– Почти закончено.

– Ускорьте. К следующему заседанию Капитула она должна быть.

– Будет сделано.

– Брат Катон, завтра утром, а лучше еще сегодня господин Родзянко должен узнать о существовании личного послания кайзера императору, в котором Вильгельм Прусский прощупывает возможность сепаратного мира с Россией.

– Это несложно, – кивнул брат Катон.

– Намекните также, что «партия мира» во главе с Распутиным и императрицей усиленно ратует за начало переговоров с германцами.

– Будет сделано.

– Вот и прекрасно, и когда расточатся враги трона небесного, да свершит Господь правосудие свое!

Часовые на площадках между этажами Главного штаба привычно вытягивались при виде спускающегося по лестнице полковника с флигель-адъютантскими аксельбантами.

– ...Так, может, тогда еще филеров к дому приставить? – пыхтя, как самовар, вопрошал семенивший рядом полицейский чиновник.

– Хорошо бы, да только место там больно тихое, всякий новый человек как на ладони. А глаз у этого господина, судя по всему, острый. Как бы раньше времени не спугнуть. Стоит поспросить, быть может, в домах поблизости сдастся небольшая квартирка или комнатка с «хорошим» видом из окон...

– Ну, так вы ж токо прикажите. Если даже не сдастся, вмиг организуем, – вмешался шедший за спиной Лунева сотник.

– Что организуем? – поморщился контрразведчик.

– Да мало ли что? Можно призрак им туда запустить, а можно приехать, типа мы санслужба, крыс, тараканов уничтожаем.

– Ну-ну. – Контрразведчик покачал головой. – Сходи разузнай, только без этих твоих крайностей.

– Как прикажете, без крайностей, так без крайностей. – Сотник хотел еще что-то добавить, но осекся. – Ваше высокоблагородие, – после короткой паузы заговорил он, – а вы, часом, не знаете, шо там за японо-отец у нашего мотора трется?

– Что? – Платон Аристархович отвлекся от терзавших его вопросов.

– Да вон, глядите. – Атаманец указал в сторону окна, выходящего аккуратно на стоянку автомобилей у входа в здание. – По форме, как есть, японец: погон ненашенский, поперечный, два широких просвета, одна звезда – лейтенант, фуражка с красным околышем и желтой тульей. И не холодно ж ему! Стало быть, гвардеец.

– Опять японец?

– А шо, уже был?

– Был, дверью обознался. Или не обознался. Не знаешь случайно, где здесь генерал Круглов сидит?

– Генерал-майор Круглов, артиллерийский Комитет, главный приемщик. Аккурат под нами, этажом ниже.

– Стало быть, может, и обознался.

– Я на всякий случай слетаю, выясню, что за хокусайские картинки он на лобовом стекле рассматривает.

– Сделай любезность.

В тот момент, когда полковник Лунев вышел на улицу, сотник уже вовсю распекал дежурившего у автомобилей караульного.

– Так ведь союзник же нынче, – оправдывался солдат. – Ничего такого не спрашивал. Сказал, что желает себе авто купить, а вот какой лучше брать, не ведает. Вот и глядел, каков, стало быть, «дион-бутон», каков «бугатти» или вон «руссо-балт». А только я приметил, что ваш «делоне-бельвилль» ему больше всех приглянулся. Он его долго так рассматривал.

* * *

Император с улыбкой внимал сидевшей напротив за чайным столиком женщине и, отпивая небольшими глотками горячий чай из тончайшего севрского фарфора, думал о своем. Великая княгиня Ксения Александровна, старшая сестра императора, была, пожалуй, любимейшей из всей его родни еще с тех незабвенных детских лет, когда она наставляла будущего государя всея Руси в высоком искусстве ловко бросать камешки. Наследнику-цесаревичу всегда нравилось смотреть, как они, отскакивая от воды, прыгают зайцами. Ныне, когда судьба вознесла его на престол, Николай сохранял к милой Ксении нежнейшую привязанность.

В эти тяжелые дни великая княгиня, как и большинство женщин императорской фамилии, снаряжала медицинские поезда, привозившие на фронт врачей и медикаменты и увозившие всякий раз сотни раненых. В Петрограде у Ксении Александровны был свой госпиталь, о нуждах которого она вроде бы и желала нынче говорить с братом. Однако нужды разрешились в считанные минуты, и беседа повернула совсем в иное русло.

– Ники, – почти наставительным тоном произносила великая княгиня, – неужели же ты сам не чувствуешь приближения некоего дикого невообразимого, первозданного ужаса? Как можешь ты быть таким спокойным?

– В стране, ведущей войну, голубушка, спокойствие государя, быть может, высшая его добродетель, – вздохнул император.

– В этот час на фронтах, возможно, гибнут тысячи людей, но, умирая, все эти несчастные россияне мысленно взирают на своего царя. Стоит мне поддаться унынию, а уж тем паче утратить спокойную уверенность в нашей правоте – и все рухнет.

– Но все и так может рухнуть, дорогой мой Ники. Послушай, что я скажу тебе: глаза российского орла не видят света, и черный ворон служит ему проводником. Черный ворон летит на поля, усеянные трупами, и радуется поживе, ведя за собой властителя птиц. Он летит на зов смерти, не ведая страха, но смерть уже и над ними занесла косу. Змеи притаились меж тел, и погибель будет ворону, и погибель российскому орлу.

– Ну что за бредни, милая моя Ксения?

– Это не бредни, это пророчество. Пророчество той, чьи слова вещие, и это проверено многократно.

– Абсурд, моя дорогая, полный абсурд! – Николай II покачал головой, с искренним сожалением глядя на сестру. Лицо ее напоминало ему сразу и убиенного государя Павла I, и маменьку-императрицу. Пожалуй, Ксению можно было назвать не слишком красивой, но глаза, живые и выразительные, освещали его светом глубокой внутренней правоты. – Я знаю, о ком ты говоришь, – чуть помедлив, вновь заговорил император. – Это все слова модной ныне в столице прорицательницы Лаис Эстер. Она намерена у супруги дяди Николаши сеанс устраивала. Не правда ли? Ксения, постыдись, она же австриячка, и наверняка ее слова пишутся в Генеральном штабе Франца-Иосифа. Я вообще в недоумении, что эта госпожа до сих пор делает в Петрограде?!

– Она не австриячка. Ее отец венгерский князь Лайош Эстерхази, это правда. Но в своей жизни она провела в австрийских владениях всего несколько месяцев. С тем же успехом тебя можно именовать немцем или же японцем.

– Скажешь тоже! – Император невольно сдвинул брови и поставил недопитый чай на стол.

– Она выросла в священном городе Карнаве. Судя по всему, это где-то в Атласских горах.

– Все эти таинственности, прорицания, священные города... Право слово, пустое, тебе не следовало бы заниматься всем этим.

– Отчего же, мой дорогой брат? Ведь только слепому не видно, что ворон, о котором идет речь в прорицании, – ваш бесноватый Старец. Его дальнейшее пребывание близ императорской семьи – прямой скандал! Но хуже того, он ведет державу к гибели. Вас окружают притаившиеся змеи, великое множество змей!

Николай II вновь покачал головой, пристально глядя на сестру.

– Ты же знаешь, его умение заговаривать кровь делает его необходимым для нас. Никто, кроме него, не может помочь цесаревичу Алексею. Он утверждает, что со временем болезнь пройдет бесследно, но до того часа Григорий Ефимович нужен и нам, и всей России. Поэтому оставим сей бесцельный разговор.

Знаешь, мне вот почему-то вспомнилось: когда я еще, будучи наследником престола, совершил путешествие на «Памяти Азова», стояли мы в Бомбее. Индусы тогда много судачили о некоем человеке, которого величали «светлым странником». Он и впрямь ходил по всей стране и нигде не останавливался более чем на один, два дня. Так вот, однажды мне сообщили, что этот необычайный человек, почитаемый здесь как пророк, зовет меня к себе в хижину. Мы с князем Барятинским, он знал местные наречия, отправились в убогую лачугу странника. Но к нашему глубочайшему удивлению, тот оказался россиянином, давшим некогда обет посетить все храмы мира. Я не стану сейчас подробно рассказывать, о чем мы говорили наедине, скажу одно лишь: он велел мне терпеть и сказал, что уйду из этого мира непонятым.

Вот так-то, милая Ксения. Непонятым даже тобой. Видать, не зря я родился в день Иова Многострадального, таков, значит, мой удел.

– И ты поверил словам какого-то проходимца, да так, что не желаешь слушать тех, кто истинно любит тебя? Ники, подумай о семье, подумай о России!

Дверь императорского кабинета приоткрылась, и туда неслышно, будто тень, вошел дежурный камергер.

– Ваше величество! Сюда идет Старец Григорий. Прикажете его впустить?

– Да-да, конечно. – Император кивнул служителю в золоченом камзоле и повернулся к сестре: – А вот, кстати, и твой черный ворон.

Один из жандармов, топтавшихся у старого адмиральского особняка на Большой Морской, поднял голову, разглядывая освещенные электричеством окна второго этажа.

– Ишь, готовятся.

– А че б им не готовиться, когда у них денег небось куры не клюют, – перетаптываясь с ноги на ногу, проговорил другой. – Вот социалисты хоть и гниды, а все ж резон в их словах есть. Одни, вот так вот в тепле и уюте – развлекайся, а другие, как мы шас – на морозе костеней.

– Это верно, – уминая мерзлый снег валенками, с укором вздохнул его напарник. – Смена, почитай, еще не скоро будет. О, гляди-ка, кажись, гости съезжаются.

По Большой Морской стремглав неслись две ухарские тройки, запряженные прекрасными орловскими рысаками. Спустя мгновение они поравнялись с домом, и тут же из саней выскочили несколько дюжих молодцов весьма не аристократического вида. Не давая жандармам опомниться, они набросили на головы стражей мешки и, связав, запихали в сани.

– Но, трогай! – раздалось над улицей. – Пошли, пошли, родимые!

Камины в доме Лаис в эту ночь пылали жарче обычного. Ей отчего-то нынче было особенному холодно. Она вспоминала ночи Карнаве, где темнота лишь обещает отдых от дневного зноя, и аромат дивных цветов пропитывает воздух сильнее французских духов. Она куталась в соболий мех и едва могла согреться.

Собравшиеся в ее доме гости в благоговейном внимании глядели в бронзовый треножник, на котором, пожирая священную плоть сандала, плясал очищающий и открывающий тайный смысл ее прозрений огонь. Лаис смотрела внутрь, в самое сердце пламени. То ли языки огня, то ли пряный аромат благовоний, курившихся вокруг, пробуждали в ней с детства знакомое чувство. Видимый мир переставал существовать, обращаясь в бесчисленное сонмище неясных образов, невероятных существ, в кружение, вечное кружение огненных саламандр. Но стоило ей устремить внутренний взор к сути заданного вопроса, и точно луч пронзал всю эту невнятную сумятицу, на считанные мгновения даруя ей видения ясные, почти осязаемые.

В этот миг она начинала говорить быстро, захлебываясь, словно пытаясь обогнать ускользающие секунды. Говорить на языке ее родины, священном языке храма Эстер Прародительницы, который здесь именовался древнеарамейским. Когда б не стоящий возле нее толкователь, вряд ли кто из собравшихся в доме смог бы понять смысл ее слов. Прозвучавший только что вопрос касался будущего России.

– Народившийся умрет, и множество смертей прославит смерть его. И другой придет ему на смену, чтобы пройти тем же путем. Путь третьего лежит по рекам крови, и реки те порождают океан. Но есть тропа...

– Война продлится еще два года, – чеканно произносил Михаил Чарновский, стоявший рядом с Лаис и крепко державший ее руку. – Но следующий за ними третий год России грозит бедой, куда большей, нежели эта война. Однако все же есть тропа...

Лаис вдруг показалось, что черная непроглядная волна накатывает на нее, сбивая с ног и подавляя разум. Она вскрикнула, покрепче хватаясь за руку Чарновского. Нечто подобное она испытывала, когда по дороге из Каира корабль, на котором она плыла, был застигнут бурей. Но здесь, сейчас?!

Дверь зала распахнулась от удара ногой. В дверном проеме, подбоченясь, стоял высокий мужик с черной окладистой бородой. Темная поддевка его, такие же брюки, заправленные в начищенные блестящие сапоги, резко контрастировали с общим убранством и нарядами собравшихся. Однако пришедшему до этих мелочей, казалось, не было никакого дела.

– А ну-ка, вон пошли! – Чернобородый стряхнул с себя прислугу, силившуюся его остановить. – Так, стало быть, это ты, стерва заморская, меня черным вороном кличешь? Так я тебе, курица, самой перья повыдергиваю!

Чарновский отпустил руку отшатнувшейся в ужасе девушки и одним спокойным движением расстегнул клапан висевшей на поясе кобуры.

– Ой-ой-ой! Не пугай – пуганые! – насмешливо бросил Старец, опасливо сверля буравчиками темных, глубоко посаженных глаз появившийся в руке конногвардейца наган. – Да что ты можешь сделать мне, офицеришка?

Не говоря ни слова, ротмистр вскинул руку, попутно взводя курок. Распутин смачно плюнул на пол и, повернувшись на каблуках, поспешил к выходу.

– Запомни, змея подколотная, я еще вернусь!

* * *

Поднятый спозаранку поручик Вышеславцев стоял пред грозным взглядом контрразведчика, выдавливая из себя болезненные, как заноза, слова:

– ...Так что жандармы и охнуть не успели. Их оглушили, кляп в рот, мешок на голову.

– Что же, и тех, что стояли у парадного входа, и тех, кто на черном дежурил? – недобро зыркнул на него Лунев.

– Так точно-с! – с болью в голосе выпалил поручик. – Да быстро, будто молния.

– Что же дальше было?

– Привезли их куда-то, не то кабак, не то притон. Кляпы вытянули и давай им водку в горло заливать.

– Странные нынче в столице нравы! Прежде такого не водилось...

– Так вот и я говорю, – подхватил Вышеславцев, – а как мои люди сознание потеряли, их обратно привезли да в подъезде пьяными и оставили.

– Шо, день жандармерии отмечали? Пьяными и в губной помаде, – едва приветствуя находящихся в комнате, проговорил входящий атаманец. – Небось еще и в штаны им напрудили.

– Так точно-с, то есть никак нет-с. Помада – это да, а штаны – никак нет-с, – бросая недобрый взгляд на вошедшего, объявил жандармский поручик.

– Черт побери, о чем вы разговариваете? – возмутился Платон Аристархович.

– А и верно, – подхватил сотник. – О чем тут говорить? Достали где-то синюшные ящик водяры, раздавили его за веру, царя и Отечество и геройски улеглись в засаду в соседнем подъезде, шоб теплее, значит, засаживать было.

– Прекратить зубоскальство! – гневно оборвал его Лунев. – Четверо жандармов, напившихся на службе, – такого быть не может! Уверен, что это наш конногвардеец резвится, удаль перед возлюбленной показать желает.

– Ага, а обцеловал этих стражей порядка, стало быть, тоже ротмистр Чарновский?

– Этого я не говорю, – усмехнулся Лунев, представляя себе красавца-ротмистра, целующего пьяных жандармов. – Однако кому еще организовать такую омерзительную выходку? Документы, оружие – все на месте. Люди целы. И дело сделано – жандармов у подъезда нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.